

МОСКОВСКИЕ
УЛИЦЫ

СЕКРЕТЫ
ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ

Владимир Браниславович Муравьев

Московские улицы. Секреты переименований

ABBYY PDF Transformer⁺

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17685503

Московские улицы. Секреты переименований. / Муравьев В.Б.: Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0200-8

Аннотация

Известный краевед, председатель Комиссии «Старая Москва», автор многих книг о столице России Владимир Браниславович Муравьев в своей новой книге проводит читателей по знакомым и вместе с тем незнакомым улицам, переулкам и площадям, названия которых не раз менял бурный минувший век. Как и почему давались им изначальные имена, с чем были связаны переименования? Великолепно владеющий огромным историческим и фактическим материалом, он воссоздает историю и былую жизнь Первопрестольной через ее топонимы. В каждом дореволюционном по происхождению московском топониме, утверждает автор, обязательно содержится указание на какую-то приметную деталь, особенность местности, ее своеобразие. Написанная увлекательно, со знанием дела, эта книга станет бесценным подарком, как для самих москвичей, так и для гостей столицы.

Содержание

Что такое московские названия	4
«Как много в этом звуке...»	4
Переименование	6
Странички из истории московских названий	8
Революционные переименования	19
Укрощение стихии	22
Новое использование уличных названий	25
Возвращение Остоженки	32
Демагогия как практика, или Шитье белыми нитками	36
Однако...	40
Возвращенные названия	43
Аминьевское шоссе	43
Андроньевская площадь	45
Арбат новый улица (см. Новый Арбат улица) Арбатские ворота площадь	47
Архангельский переулок	49
Афанасьевский Большой переулок	51
Басманная Старая площадь	52
Биржевая площадь	53
Богоявленский переулок	54
Болотная площадь	55
Болотная улица	56
Борисоглебский переулок	57
Брюсов переулок	58
Варварка улица	59
Варварские ворота площадь	60
Ветошный переулок	61
Васильевский малый переулок	62
Воздвиженка улица	63
Вознесенский переулок	64
Воробьевы горы	65
Воронцово поле улица	69
Воскресенские ворота проезд	70
Гагаринский переулок	73
Газетный переулок	74
Глазовский переулок	76
Глинищевский переулок	77
Гончарная улица	78
Гранатный переулок	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Владимир Муравьев

Московские улицы. Секреты переименований

Что такое московские названия

«Как много в этом звуке...»

Принятый в языкознании термин «топоним» в переводе с греческого языка означает «имя места». Наука, изучающая топонимы, то есть названия географических местностей, называется топонимикой. То же слово «топонимика» употребляется для обозначения всей совокупности географических названий на какой-либо определенной территории. Московская топонимика – это названия улиц, переулков, площадей, набережных, районов и других городских мест, которым москвичи посчитали нужным дать особые имена-названия на территории своего города.

Название местности дается для того, чтобы выделить, отличить ее от других окружающих мест и тем самым дать возможность вместо долгих и сложных объяснений одним названием указать, о чем идет речь.

Но с течением времени название местности становится не только условным, вспомогательным средством для ориентации. Великолепно об этом сказал Александр Сергеевич Пушкин:

Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Символом и знаменем предстают московские названия и в современной песне:

...За нами Россия, Москва и Арбат!

Одни топонимы имеют всеобщую известность, а другие – например, название какого-нибудь переулка или тупичка – знают только их жители. Но на звук каждого названия чье-то сердце обязательно отзовется тем заветным и прекрасным волнением, которое называется любовью к родине. Оттого-то так дороги людям слова, которые наука называет научным термином: топонимы.

Эта книга рассказывает об одном из самых драматичных эпизодов в истории московской топонимики – о происходившем в 1918—1980-е годы преследовании и насильствен-

ном искоренении сложившихся в течение столетий названий московских улиц и о трудном пути возвращения этих названий на карту Москвы и в историческую память народа.

Переименование

У Гомера в «Одиссее» есть замечательные строки об имени:

Между живущих людей безымянным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает...

Имя – сладостный дар, потому что оно, по верованиям древних (и по мнению современных ученых-астрологов), влияет на судьбу человека. Имя, как и сам человек, уязвимо для враждебных действий, поэтому искажение, забвение его наносит обиду и ущерб его носителю. Каждому из нас известно неприятное ощущение, когда слышишь свое имя переименованным или искаженным.

Имя всегда воспринималось как нечто необходимое для того, чтобы человек мог называться человеком. Русская пословица утверждает: «С именем – Иван, без имени – болван». Другая пословица говорит о том, как дорого человеку его имя: «Хорошо там и тут, где по имени зовут». Насильственная перемена имени воспринимается как крайняя беда: «Под чужой потолок подведут, так и другое имя дадут».

Личное имя, название племени, национальности, затем – название поселения, государства – все это символы духовной стороны жизни человека, вернее даже сказать, не символы, а сконцентрированная в слове духовная основа жизни – она включает и воплощает философию ее смысла и цели, принципы нравственности, этику, религию, место среди других человеческих сообществ, право на свое место на земле. Поэтому имя и название отнюдь не «звук пустой», недаром через века донесла летопись до нас слова князя Святослава, сказанные им дружине перед смертным боем: «Да не посрамят Земли Русския, но ляжем костьми тут...», и сколько раз эти слова повторялись, и сколько еще будут повторяться... И пока человек будет чтить имена и названия, а значит, и то, что за ними стоит, он останется человеком, небрежение к ним и забвение их – это уже распад личности, вне их человек уже не человек. Правда народной мудрости бывает жестока, как и пословица: «Корова без клички – мясо».

В России к названию своего места обитания, то есть к топониму, всегда относились с уважением и любовью; летописи, сообщая об основании городка или крепости, приводят их названия и часто объясняют их смысл, также в летописях упомянуто множество названий сел; жители берегли название родного селения, и если приходилось переселяться на новые места, ставить новую деревню, то ее называли обычно тем же именем: так, например, название подмосковной Ахтырки, возле Абрамцева, принесли с собой в XVIII веке крестьяне – переселенцы из харьковской Ахтырки; такого же происхождения и многие одноименные селения в разных концах нашей страны. С уважением относилась к топонимам и власть. Переименование было чрезвычайно редким явлением, оно воспринималось и было в действительности исключительной формой наказания, кары, унижения.

В истории России широко известен один факт топонимической казни: Екатерина II именным указом от 15 января 1775 года за то, что на реке Яик началось восстание Пугачева, повелела отнять у реки и Яицкого городка их названия и именовать впредь реку Уралом, а город – Уральском. Так же единичны дореволюционные переименования московских улиц.

В 1658 году царь Алексей Михайлович «указал писать» Чертольскую улицу Пречистенской. Тут гнев царя был направлен против самого врага рода человеческого. Издревле возле нынешней станции метро «Кропоткинская» был глубокий овраг, прозванный Черторый: как говорили в народе, его «черт рыл». По оврагу Черторыем назывался текущий по

нему ручей, а вся окрестная местность – Чертольем, улица Волхонка – Малой Чертольской, Пречистенка – Большой Чертольской.

По Большой Чертольской улице проходила дорога в Новодевичий монастырь, где главным храмом был собор во имя иконы Смоленской Богоматери – Пречистой Девы Марии. Заметив несоответствие названия улицы с ее направлением, царь Алексей Михайлович повелел ее переименовать. Мысль царя и обоснование переименования были понятны москвичам, и Москва переименование признала.

Зато другое переименование – улицы Арбат в Смоленскую – москвичи отвергли, хотя поводом для него послужили не менее благочестивые соображения Алексея Михайловича. Новым названием отмечалось, что улица ведет к храму во имя иконы Смоленской Божией Матери, стоящему на нынешней Смоленской площади. Несмотря на то, что икона была очень почитаема в Москве, улицу продолжали называть Арбатом и называют до сих пор.

За все время своей дореволюционной истории Москва только однажды подверглась унижению и насилию переименованием улиц и площадей – это произошло в сентябре 1812 года во время нашествия Наполеона. Наполеоновский офицер Цезарь Ложье в своих воспоминаниях описывает вход в Москву французских войск: «Мы выходим на красивую и широкую площадь и выстраиваемся в боевом порядке в ожидании новых приказов. Они скоро приходят, и мы одновременно узнаем о вступлении императора в Москву и о пожарах, начавшихся со всех сторон. При таких обстоятельствах решено, что, не имея возможности обратиться к местным властям, мы разместимся по-военному. Вице-король дает приказ полкам, и назначенные для этого офицеры пишут углем на наружных дверях каждого дома указание постоя, а также новые названия улиц и площадей, так что теперь улицы будут называться только «улицей такой-то роты», будут еще «кварталы такого-то батальона», площади Сбора, Парада, Смотра, Гвардии и т.д.». Но эти переименования продержались всего месяц и девять дней, до тех пор, когда французам пришлось бежать из Москвы.

Единичные переименования в дореволюционной Москве в конце XIX – начале XX века производились по предложению общественности и при обязательном монаршем согласии: так, сквер на Елоховской площади перед библиотекой имени А.С. Пушкина было предложено назвать Пушкинским, сквер у Красных ворот за домом, где родился М.Ю. Лермонтов, – Лермонтовским, Тверскую площадь после установки на ней памятника М.Д. Скобелеву – Скобелевской.

Из тех немногих дореволюционных переименований более или менее привилось только одно – Скобелевская площадь, остальные же новинки забывались, и переименованная улица москвичами называлась и писалась по-прежнему. Это явление отметил крупнейший исследователь московской истории и московской топонимики П.В. Сытин. Он пишет о названиях московских улиц, переулков и площадей: «Они более живучи, чем многие памятники материальные, даже памятники архитектуры и искусства. Измененные и замененные новыми названиями, удачные старые названия часто еще долго живут в народе. Они не требуют, как другие памятники, для знакомства с ними обозрения на месте: обмен письмами между жителями Москвы и других городов и деревень делает их известными всей стране».

Устойчивость московских топонимов и приверженность москвичей к названиям, которые были даны их предками (большинству названий в центральной исторической части города, как правило, по несколько веков), объясняются теми принципами, которыми руководствовались москвичи при их создании и обстоятельствами, в которых функционировала и развивалась система московской топонимики до революции 1917 года.

Странички из истории московских названий

Два столетия назад родилась и сразу запала во всенародную память крылатая строка-пословица из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «На всех московских есть особый отпечаток». Время и постоянное ее употребление в речи расширили первоначальное прямое значение грибоедовского выражения. Оно уже давно приобрело более общий смысл и используется для характеристики главной черты Москвы и всего московского – московского своеобразия.

Своеобразие Москвы искони признавали и донныне признают и в России, и за границей, что и ставит ее в круг мировых исторических городов, таких, как Рим, Париж, Лондон.

Это своеобразие создаст и внешний облик города – его архитектура, планировка, и особая духовная атмосфера, складывающаяся из давних традиций и обычаев в быте и характере москвичей, это проявляется в повседневной жизни и в художественном творчестве, как профессиональном, так и народном, фольклорном. На московской топонимике лежит тот же московский «особый отпечаток», и она вносит свой штрих в славу своеобразия Москвы.

«Замысловатость», как называли в старину изобретательность, остроумие и оригинальность, а также словесную игру и выдумку московских названий, разнесла по всей России фольклорная шутка про московский адрес. В.И. Даль в «Пословицах русского народа» приводит несколько ее вариантов. Соль шутки заключается в том, что москвич объясняет приезжему, как тому найти нужное ему место, а у провинциала с непривычки к обилию московских названий от этих объяснений голова кругом идет, и в конце концов он вообще перестает понимать, куда же ему поворачивать и на что обращать внимание. Сам Даль характеризует смысл шутки так: «то есть – нигде». И это действительно так, потому что в ней называются места, расположенные в разных концах города:

«У Всех Святых на Кулижках, что в Кожухове за Пречистенскими вороты, в Тверской ямской слободе, не доходя Таганки, на Ваганке, в Малых Лужниках, что в Гончарах на Воргунихе, у Николы в Толмачах на Трех горах...»

«За Яузой на Арбате, на Воронцовском поле, близ Вшивой горки, на Петровке, не доходя Покровки, за Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мещанской, в Кожевниках, прошедши Котельников, в Кисловке под Девичьим, в Гончарах, на Трех горах, в самых Пушкарях, на Лубянке, на самой Полянке...»

В основе московской топонимики, определившей ее черты и особенности, лежат два принципиально важных обстоятельства.

Первое – московская топонимика, складываясь и развиваясь на протяжении многих веков, всегда сохраняла верность исторической традиции.

Второе – до 1918 года не существовало никакого властного административного органа, который диктовал бы свои законы топонимическому процессу в Москве. Названия давались

жителями, утверждались общественным мнением. Это был своеобразный жанр фольклора, поэтому бытовал и развивался по законам фольклора, подвластный лишь народной воле.

С того времени, как человек поселился на московской земле, появились и названия, данные окрестным селениям и осваиваемым угодьям – лесным, пахотным, выпасам, речкам и ручьям. Поселения и места, имевшие «имя», в древности назывались урочищами, от глагола «урекать», то есть нарекать, называть.

История московских названий начинается задолго до того, как Юрий Долгорукий поставил здесь крепость и основал город. Она начинается в незапамятные времена. Слово «незапамятные» здесь употреблено в его фольклорном значении: то есть во времена очень-очень далекие, неопределимые точной датой, но память-то о них как раз и сохраняется в названиях. Некоторые из названий урочищ дошли до наших дней, став названиями улиц.

«Древняя топография города, – пишет историк Москвы И.Е. Забелин, – имела иной вид и представляла больше живописности, чем теперь, когда под бульжною мостовою везде исчезли сохраняемые только в именах церковных урочищ поля, полянки и всполья, пески, грязи и глинища, мхи, ольхи, даже дебри, или дерби, кулижки, т.е. болотные места и самые болота, кочки, лужки, вражки – овраги, енды – рвы, горки, могилы и т.п., а также боры и великое множество садов и прудов. Все это придавало древней Москве тип чисто сельский, деревенский; на самом деле во всем своем составе она представляла совокупность сел и деревень, раскинутых не только по окраинам, но и в пределах городских валов и стен».

В первых московских названиях отразились преимущественно географические особенности местности: сведения о характере рельефа – возвышенностях и низинах, о глинистых или песчаных почвах, растительности, речках и ключах.

Но в названии всегда была отражена какая-то черта именно данного места. Это стало первым правилом создания истинно московских топонимов. В каждом дореволюционном по происхождению московском топониме обязательно содержится указание на какую-то приметную деталь, особенность этой местности, если сейчас и не существующую, но когда-то существовавшую. Идя по улице Неглинной, вы можете быть уверены, что здесь текла река Неглинка, в настоящее время спрятанная в трубу, а в Николопесковском переулке под асфальтом – песчаный холм.

О московских холмах и возвышенностях говорят названия: Краснохолмская набережная, улицы Большие и Малые Кочки; о низких местах – Вражские переулки (вражек – старая форма слова овраг), Сивцев Вражек и Балканский переулок (о слове балкан А.Н. Островский писал как о московском областном, которое обозначает «продол между лесом и нагорьем»). Название Болотная площадь отметило, что здесь некогда было болото; Полянка действительно была полем, а Спасопесковский и Спасоглинищевский переулки свидетельствуют, что первый стоит на песке, второй – на глине.

О лесах, среди которых возникла Москва, сообщают Боровицкая площадь и Елоховская улица (елоха – ольха). Название Дербеневской набережной говорит о том, что здесь был густой лес – непроезжие дебри.

Некоторые улицы носят названия речек и ручьев, некогда протекавших по городу, а теперь заключенных в трубы и спрятанных под землей. Самая известная из них – Неглинка, текущая под улицей Неглинной, пересекаемой улицей Кузнецкий мост. («Неглинок», по объяснению В.И. Даля, «болотце, болотистая местность с родниками»). Сейчас ни реки, ни моста – одни названия. А полтора столетия назад еще были и река, и мост. Профессор Московского университета И.М. Снегирев, вспоминая юность, первые годы XIX века, рассказывает про Кузнецкий мост, как на нем «сживали нищие и торговки с моченым горохом, разварными яблоками и сосульками из сахарного теста с медом, сбитнем и медовым квасом – предметом лакомства прохожих». Чечерский и Капельский переулки названы по речкам Чечере и Капле, протекавшим здесь и сейчас текущим в трубе под землей.

Названия старинных сел также со временем стали городскими топонимами. В духовном завещании Ивана Калиты находим названия сел, которые сейчас хорошо известны каждому москвичу: Ясневское, Ногатинское, Коломенское как московские топонимы.

Основатель Москвы князь Юрий Долгорукий, давая название основанному им городу, также руководствовался правилом – отразить в его имени характерный признак местности, в этом случае – географическое положение по отношению к известному природному объекту.

Летописное известие об этом событии сообщает, что в 1156 году «князь великий Юрий Володимерич заложи град Москву на уст ниже Неглинны, выше реки Яузы», и завершает объяснением, что название Москва-град было дано «по имени реки, текущая под ним».

С основанием города появляются и собственно городские топонимы. Они возникают по мере того, как складывается градостроительная структура Москвы, появляются улицы.

Кузнецкий мост

В настоящее время в официальных градостроительных документах для всех тех частей городских «земель», по которым производится движение транспортное или пешеходное, принято как общий термин название «проезд». В Москве существует много разных видов городских проездов, возникших, сложившихся в результате исторического развития города и образующих его современную структуру.

Основной городской вид «проезда» – это улица.

На Руси слово «улица» письменно зафиксировано в древнейшем русском письменном памятнике – «Изборнике» Святослава 1076 года. Языковеды считают, что происхождение слова «улица» неясно, но полагают, что его древняя основа по своему значению близка к следующему ряду понятий: лить, течь, вода. Правда, теперь, вот уже по крайней мере лет пятьсот, оно имеет совершенно определенное значение: «простор меж двух рядков домов; полоса, проезд, дорога, оставляемая промеж рядами домов» (В.И. Даль). В древнерусских памятниках слово «улица» употребляется также в значении площадь и дорога. К числу древнейших московских названий улиц относятся названия по дорогам: Тверская, Дмитровская и другие.

Улицы в Москве, конечно, появились одновременно с возникновением города, но обычай присваивать им «имена» сложился гораздо позже. Это вполне естественно, так как для ориентации в городе (в чем, собственно, и заключается смысл и цель наименований) при сравнительно небольшом размере территории и ограниченности населения вполне достаточно был адрес, состоящий из названия города и имени человека.

Впервые упомянуто в летописи и таким образом документально удостоверено «имя» московской улицы в 1468 году – это улица Великая, шедшая от Кремля по посаду вдоль Москвы-реки (впоследствии Мокринский переулок, а позже территория гостиницы «Россия»). Правда, это название может быть отнесено к именам собственным с некоторым допущением, так как оно просто характеризовало величину улицы (великая, т.е. большая) по отношению к другим, и когда появились улицы более значительные, эта улица свое имя утратила.

К XV—XVI векам в Москве сложилась уличная система. Австрийский дипломат XVI века С. Герберштейн в своих «Записках о Московии» отмечает, что Москва «имеет много улиц».

В Москве различаются следующие виды улиц: проезжая улица, глухая, или тупая улица (тупик), переулок – небольшая улица, соединяющая две более крупные; впоследствии некоторые переулки (проулки) стали называть проездами.

Одновременно с улицей возникли в городе и площади – «в городах или селениях незастроенный простор шире улиц», – по объяснению В.И. Даля.

Китай-город. Вид из-за Москвы-реки. 1880-е гг.

Возведение нескольких колец крепостных стен вокруг города принесло с собой такой ориентир, как части города, находящиеся в пределах, огороженных стенами: Кремль (или Город), Китайгород, Белый город, Земляной город.

С постройкой второго кольца стен вокруг Москвы – Китайгородской стены (1535 год) за древнейшим укреплением утвердилось наименование Кремль. Это слово однокоренное со словом кромка – край, граница; также производят его от слова «кремень», имея в виду крепость, твердость этого минерала. Название Китай-город, по наиболее распространенной версии, перешло на каменные постройки 1535 года от бывших на этом месте прежних укреплений, сделанных из связок прутьев – китаев, обмазанных глиной (в таком значении – пук, связка чего-либо: стеблей, соломы, травы и т.д. – слово «кита» существует в современных говорах центральной, северной России и Урала).

Следующее кольцо укреплений – стены Белого города, возведенные в 1585—1593 годах и снесенные во второй половине XVIII века, оставили в московской топонимике термин «ворота» как название прилегающей к ним городской местности. Мы до сих пор говорим: у Яузских ворот, у Покровских ворот и т.д. А устроенные на месте снесенных стен Белого города места для общественных гуляний – бульвары ввели в московскую топонимику и этот термин как название разновидности улицы.

Четвертая линия городских укреплений – бревенчатая стена с башнями, возведенная в 1591—1592 годы по линии современного Садового кольца, называвшаяся первоначально Деревянным городом, или Скородомом, в XVII веке замененная земляным валом и рвом, обогатила московскую топонимическую терминологию словом «вал», которое также осталось на плане Москвы до настоящего времени: Земляной вал, Валовая улица и другие.

Последняя заградительная линия Москвы – Камер-Коллежский вал с заставами, сооруженный в 1742 году за пределами Земляного города, был уже не военным укреплением, а таможенной границей для контроля ввозимых в город товаров, которые в Москве продавались дороже, чем в губернии (например, водка). От Камер-Коллежского вала как термин и объект московской топонимики осталось слово «застава»: Рогожская застава, Серпуховская и другие.

В связи с одной из застав получила свое название улица Зацепа. Старинное название улицы Зацепа, а также Зацепских площади, проездов, тупика и вала возникло потому, что здесь, на таможенной городской границе, проезд был перегорожен цепью, чтобы возы с товаром не могли проехать без таможенного досмотра. Примыкающая к заставе за цепью местность называлась Зацепской.

Застройка вдоль берега рек и речек принесла с собой проезд – набережную.

Имеют названия-топонимы также более крупные городские территории – районы, округа, поселки, деревни.

Познакомившись с тем, чему в Москве дают названия-топонимы, теперь перейдем к рассказу о том, как происходило образование названий-топонимов.

Москва как город развивалась и расширялась, отвечая потребностям ее населения, учитывая самые разнообразные его желания и требования, поэтому ее структура оказалась многосложной, но удобной и естественной. Москва именно развивалась, а не была насильно втискиваема в какие-то искусственные формы. Так возникла ее разумная и экономичная радиально-кольцевая планировка с четкой основой радиальных улиц-дорог и своеобразной, подчиняющейся только требованиям необходимости и целесообразности сетью второстепенных улиц, улочек и переулков разного вида и образа.

Московские названия рождались и жили по тому же принципу нужности и целесообразности, являясь не искусственной схемой, а живой, естественно развивающейся системой.

Первая и главная роль улицы – быть проходом и проездом к какому-либо определенному пункту. Это и отразили наименования первых улиц, которыми стали дороги – Тверская, Дмитровская и другие. Поэтому первоначальный принцип образования названий улиц заключался в указании, куда они ведут. В начале XVI века в завещании Ивана III одна из улиц обозначается таким описанием: «что идет от Города мимо Юрьи святыи каменную церковь к Сущеву на Дмитровскую дорогу». Эта улица, идущая «к Сущеву на Дмитровскую дорогу», в конце концов, стала Большой Дмитровкой.

Подобный способ образования уличных и переулочных названий действовал и в последующие столетия. В изданном в 1782 году «Описании императорского, столичного города Москвы...» перечислен ряд переулков, которые уже существуют, но еще не обрели устойчивых наименований, а первоначальные, прикидочные названия построены по той же форме, как и при Иване III: «к Белому городу», «к Живодерке старой», «к Зачатейскому монастырю», «к Земляному городу», «к Красным воротам», «к Пятницкой церкви», «к Трем прудам»... Из этого списка несколько десятилетий спустя названия двух переулков сохранили связь с первоначальным наименованием: Живодерный Старый переулок на Тишинке (с 1890 года называвшийся Владимир-Долгоруковской улицей, в 1918—1931 годах – улицей Фридриха Адлера, в 1931 году переименован в улицу Красина) и Трехпрудный, поскольку эти названия связаны с конкретными местными ориентирами.

Основные радиальные улицы Москвы в течение веков не меняли своего местоположения, не меняли и «имен»: таковы Тверская, Покровка, Сретенка, Арбат.

Читая завещание Ивана III, нельзя не обратить внимания на то, что местоположение большинства улиц определяется названиями церквей. Это было сделано сознательно, исходя из жизненного опыта. Настоящим бедствием Москвы, в основном деревянной, были пожары, и поэтому каменные храмы оставались наиболее верными и долговременными ориентирами в городе.

Но поскольку в Москве было много одноименных церквей: Николая Чудотворца – почти три десятка, Троицких – около двух десятков, более десятка Покрова Богородицы и так далее, то при ссылке на церковь требовались еще дополнительные уточнения, и названия московских храмов получали их. Может быть, наиболее наглядно изобретательность, образность и живая фантазия москвичей в придумывании названий проявились в наиме-

новании московских «сорока сороков» – церквей. Вот некоторые из них: Святого Николая Чудотворца, что слывет Красный звон; Зачатия святой Анны, что в Углу; Иоанна Богослова, что под Вязом; Живоначальной Троицы, что в Полях; Святого Владимира, что в Старых садах; Преображения Господня, что на Глинищах; Троицы, что на Грязях; Воскресения Христова, что на Успенском вражке; Георгия на Красной горке; Сергия в Крапивках; Преображения Господня в Наливках; Святой Троицы, что на Капельках; Иоанна Предтечи, что под Бором; Николая Чудотворца, что на Ямах; Ермолая на Козьем болоте; Николая Чудотворца, что на Курьих ножках; Николая Чудотворца, что на Пупышах.

Тверская улица в конце XIX века

Эти дополнения попали в названия улиц и переулков: так Спасский переулок становился Спасопесковским, присоединив к церковному названию название старинного урочища Пески. Любопытно образование названия Спасоналивковский переулок. Оно дано по церкви Спаса Преображения, что в Наливках, построенной в XVII веке (снесена в 1929 году, но его возникновение относится к XVI веку).

Адам Олеарий, секретарь голштинского посольства, рассказывает в своих записках: «За Москвой-рекой ... часть эта построена ... для иноземных воинов ... и называется Налейки именно по причине господствующего там пьянства, ибо слово «налей!» значит у русских: поднеси! Это особое помещение для иноземных войск устроено потому, что иноземцы преданы пьянству еще более москвитян, и так как нельзя было надеяться, чтобы искоренить в них привычку, так давно ими усвоенную и сделавшуюся даже их врожденным пороком, то им и предоставили полную свободу пить».

В XVIII веке количество улиц и особенно переулков значительно увеличилось, и естественно возникла необходимость как-то обозначить, назвать их. Церковные названия были уже исчерпаны, и тогда переулки все чаще начинают называть по именам, фамилиям и прозвищам домовладельцев, живущих в них. Тут необходимо оговориться, что назывались переулки не в честь этого лица, а только потому, что его домостроение выделялось из соседних какой-нибудь характерной приметой. Среди домовладельцев, давших имена переулкам, имеются и дворяне, и купцы, и ремесленники, и крестьяне, богатые и бедные – в большинстве своем рядовые москвичи, которые ничем особенным не отличались, имена которых почти не встречаются на страницах истории и о которых мы не можем сказать ничего, кроме того, что когда-то они жили в этом переулке.

Названия переулков, данные по домовладельцам, в отличие от названий, данных по храмам и дорогам, иногда изменялись в зависимости от новых обстоятельств. Так, Гарднеровский переулок (по домовладельцу – известному фарфорозаводчику) до этого назывался Корниловским и Волковым – тоже по домовладельцам, а Глазовский был Несвицким. Менялся домовладелец – менялось и название. Правда, в том случае, когда домовладелец бывал чем-нибудь замечателен, а сменивший его ничем не выделялся, народная память сохраняла прежнее наименование.

Старая москвичка Елизавета Петровна Янькова в своих воспоминаниях «Рассказы бабушки», охватывающих время с середины XVIII по первую четверть XIX века и содержащих много любопытных сведений о Москве и москвичах той эпохи, рассказывая о московском главнокомандующем П.Д. Еропкине – личности заметной и уважаемой в Москве, сообщает: «Он имел свой дом на Остоженке, тот самый, где теперь Коммерческое училище, отчего и переулки, что возле, называются один – Малый Еропкинский, другой – Большой Еропкинский». Примечательно, что Янькова, обычно вспоминая, кому дом принадлежал прежде того человека, о котором говорится, тут вроде бы забывает, что всего каких-нибудь десять лет назад переулок назывался Шеншинов, также по имени домовладельца. Домовладелец выехал, появился новый – и у переулка новое название. Но при этом название переименовал переулок, куда выходил боковой фасад дома главнокомандующего, а не улица Остоженка, куда выходил главный, – выразительный пример того, что на названия улиц не воздействовали сиюминутные обстоятельства.

Повод для создания топонима давали также некоторые события и черты народного быта.

Лихоборы обязаны названием тому, что в XVII—XVIII веках тут в «лихом бору» на проезжих нападали разбойники.

Газетным стали называть переулок из-за того, что в нем помещалась контора, в которой подписчики всей Москвы (тогда газеты еще не разносили по домам) получали свои газеты.

А ближайшая к Зацепской площади улица называется Щипок, к ней примыкают Щипковские переулки. Это название также имеет отношение к таможенному досмотру. Нынешнее название несколько переименовано, раньше оно произносилось Щупок. Здесь длинной остроконечной железной палкой – щупом – протыкали возы соломы и сена, чтобы узнать, не скрывается ли внутри какой-нибудь запрещенный товар. Д. Никифоров, автор книги «Из прошлого Москвы. Записки старожила», рассказывает, что еще в 60-е годы XIX века здесь дежурил сторож со щупом, который следил, чтобы в Москву не привозили вина (автор здесь имеет в виду водку. – 5.М.), потому что в городе оно продавалось дороже, чем в сельских местностях.

Став городом, Москва быстро обросла слободами, в каждой из которых селились ремесленники одной профессии. Слободская ремесленная Москва оставила по себе память в многочисленных современных названиях: Гончарные переулки, Каменщики, Каретный ряд, Котельнические переулки, Кожевническая улица, Ружейный, Серебрянический, Скорняжный переулки, Бронные улицы (бронники – мастера, выделывавшие бронь: кольчуги), Кадашевская набережная (кадаши – бондари, делавшие кади: кадушки, бочки) и многие другие.

Наследниками названий улиц по ремесленным слободам стали улицы и переулки, получившие названия по ближайшим фабрикам и заводам, которые бурно начали строить в Москве во второй половине XIX века. Амовский проезд получил свое название в 1915 году от завода АМО (Акционерное машиностроительное общество). Теперь он называется Автозаводской улицей. По газовому заводу названа Газовская улица, по кирпичному – Кирпичная, по колокольным заводам – Колокольников переулок.

Слободы военных, стрельцов, в которых жили стрельцы одного полка, часто назывались по фамилиям их командиров – полковников. Таково происхождение Зубовской площади, Левшинских переулков, Лефортова. Патриархи также имели слободы, обслуживающие патриархию: Патриаршие пруды и Патриаршие переулки находятся на месте бывших патриарших слобод.

О том, что московский топоним обязательно включает в себе что-то связанное с этой местностью, москвичи знали задолго до того, как появился первый научный труд, специально посвященный московской топонимике, – книга архитектора, историка и археолога

А.А. Мартынова «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями», вышедшая первым изданием в 1878 году.

В предисловии к этой книге, подводящем итоги многолетних и серьезных научных поисков, автор пишет: «Названия урочищ, площадей, улиц и переулков произошли не случайно; не произвольно выдуманы были имена для обозначения той или другой местности. В этих названиях заключается большею частью указание на историческое событие, на известное в свое время лицо, на бытовую черту, на местную особенность; в них хранится память прошедшего, иногда отдаленного. Но память эта слабеет с течением времени; характеристические названия, переходя от поколения к поколению, искажаются, теряют свое первоначальное значение, обращаются в бессмысленные звуки, ничего уже не говорящие тому, кто их слышит и повторяет. Иногда старые названия вовсе забываются, не заменяясь даже новыми, и местности, носившие прежде весьма выразительные имена, превращаются в безымянные. Восстанавливать старые названия, доискиваться их причины и смысла – работа трудная, но в высшей степени интересная. В них оживает, так сказать, перед нами забытое прошедшее. Мы видим постепенный рост города, разнородные составные части, соединившиеся в нем, характер почвы, на которой он выстроился, видим следы народных нравов, древних обычаев, влияние знатных родов, выдающихся лиц, впечатление, оставленное историческими событиями. К этой работе еще только начинают приступать для Москвы».

И все это сами москвичи знали давно. П.А. Валуев, москвич шукинского и грибоедовского времени, пишет в повести «У Покрова в Левшине»: «В первопрестольной Москве, где насчитывается или насчитывалось до сорока сороков церквей, почти каждый дом стоит в виду одной из них, и почти каждый адрес может быть приходским. При этом наименование каждого прихода имеет, так сказать, исторический звук, то есть звучит чем-то истинным, действительно бывшим; оно произошло от условий или обстоятельств, которых уже нет, но которые прежде существовали, одним словом, завещано стариной, напоминает о старине и для уразумения требует справок со стариной...».

Валуев в юности был знаком с Пушкиным и послужил для поэта прототипом Петра Гринева, главного героя «Капитанской дочки». В черновиках Пушкин кое-где даже называет Гринева Валуевым.

Так как историческая основа топонима была для москвича несомненна, то в тех случаях, когда исторических справок не находилось, он создавал легенду, ибо московское название просто не могло не иметь объяснения.

На Крымской набережной есть Бабьегородские переулки. Свое название они получили в XVII—XVIII веках, когда велись работы по укреплению берега Москвы-реки сваями, которые вбивались при посредстве «баб» – тяжелых подвесных молотов. За то долгое время, что велись работы, эти «бабы» достаточно намозолили глаза окрестным жителям, местность с торчащими сваями прозвали Бабьим городом. Но позже, когда работы были закончены, «баб» разобрали и увезли, память о них сгладилась, и тогда-то возникла легенда о «Бабьем городке».

В легенде рассказывается: было это в XIV веке, подступили к Москве татары, а князя с дружиной в городе не случилось, одни бабы с детишками и стариками остались. Тогда поставили бабы на берегу Москвы-реки наскоро городок, закрылись в нем и стали оборону держать. Крепко бились бабы, не удалось татарам взять их городок, да еще во время вылазок побили они немало врагов, и татары отступили от Москвы. От этого и произошло название Бабьегородских переулков.

В создании московских топонимических легенд приняли участие поэты и писатели.

Пруд возле Симонова монастыря вдохновил Н.М. Карамзина на повесть «Бедная Лиза». «Близ Симонова монастыря есть пруд, осененный деревьями, – вспоминал он в 1817 году. – За двадцать пять лет перед сим сочинил я там «Бедную Лизу», сказку весьма неза-

мысловатую, но столь счастливую для молодого автора». После опубликования повести пруд стали называть Лизиним прудом.

До середины 1930-х годов в Симоновской, переименованной в Ленинскую, слободе существовала железнодорожная платформа Лизино, а также были Лизина площадь и Лизин тупик.

В 1809 году В.А. Жуковский написал повесть «Марьиная роща» – историю из древних времен Святого Владимира о трагической любви прекрасной крестьянки Марии и пастушка – певца Услава, которых разлучил владетель тех мест жестокосердный витязь Рогдай, отчего Мария умерла. «И хижина отшельника Аркадия, и скромная часовня Богоматери, и камень, некогда покрывавший могилу Марии, – все исчезло, – заключает свою повесть В.А. Жуковский, – одно только наименование Марьиной рощи сохранено для нас верным преданием».

Несмотря на ненаучность, подобные предания придают особую прелесть московским названиям, и истинный москвич, знающий настоящее значение какого-либо названия, все же сердцем склоняется к легенде и с удовольствием повторяет хитрую или нехитрую топонимическую выдумку, а порой и сам готов что-то объяснить по-своему.

Рождаются легенды и в наше время.

В 1925 году известную подмосковную усадьбу Царицыно с ее дворцом, парком и поселком при ней переименовали в Ленино. В путеводителе по окрестностям Москвы издания 1926 года описание Царицына начинается таким беллетристическим вступлением:

«Поезд приближается к 20-му километру.

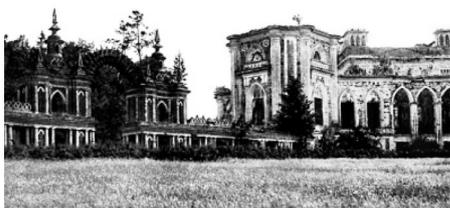
– Царицыно! – выкрикивает проводник.

Сидящие в вагонах стремятся к выходу.

– Извините, не Царицыно, а Ленино, – любезно поправляет проводника 17-летний юноша со значком КИМа на груди.

Проводник смущается. Лицо его даже розовеет».

Несмотря на старания сознательных юношей, название не привилось. Царицыно продолжали называть Царицыном. Но смутная память о переименовании все-таки кое у кого осталась. Уже в семидесятые годы мне пришлось слышать от одного старого Царицына историю о том, что прежде, давным-давно, Царицыно называлось Ленином: жил тут богатый купец, была у него любовница, красивая девка по имени Лена, вот он купил здесь землю, построил дворец и назвал эту местность Ленино.

Царицыно. Развалины дворца. XX век

Заложенная искони в московские названия описательность отразилась и на форме истинно московского адреса, явления не менее своеобразного, чем сами названия. Москва до второй половины XIX века практически не имела четких фиксированных и общепринятых адресов, и москвич, объясняя, куда и как идти или ехать, каждый раз варьировал свое объяснение в зависимости от обстоятельств, учитывая и то, откуда предстояло ехать человеку, в какое время, на чем, и, конечно, принимая во внимание знание человеком местности, а между прочим, и его понятливость.

Таким образом, получался не адрес, а произведение устного народного творчества.

В середине XVII века в «Строельной книге церковных земель» даются такие адреса: «Церковь деревянная Сошествия Святого Духа, что за Богородицкими вороты, подле городовые стены, на рву», «Великого чудотворца Николы Явленного, что за Арбацкими вороты».

Сто лет спустя, в 1747 году, так же в официальном документе приводится адрес купца Ивана Мусина: «идучи из Семеновской в Алексеевскую слободу, в приходе церкви Воскресения Христова, что в Таганке». Подробность и описательность московских адресов сохранялась и в последующие века. Хотя с XVIII века в Москве уже существовала нумерация домовладений, москвичи не доверяли «цифири» и предпочитали словесное объяснение.

Е.П. Янькова, рассказывая о знакомых москвичах, всегда указывала их местожительство: «свой дом близ Остоженки, в приходе Илии Обыденного», «близ Девичьего поля, в приходе Воздвиженья на Пометном вражке». Но и ее внук, издавая рассказы бабушки в 1877 году, так же по-московски традиционен: «Она (бабушка) жила постоянно в Москве, в собственном доме, в приходе у Троицы в Зубове, в Штатном переулке, между Пречистенкой и Остоженкой».

Н.М. Карамзин, сетуя на официальную краткость адреса писем, присылаемых ему из Петербурга, просит: «...пиши ко мне, не забудь в надписи прибавить: в дому Плещеева на Тверской. Постиллионы наши не из Лаконии». А потом еще велит указывать: «... в приходе Василия Кесарийского», потому что названия церквей казались надежнее названий улиц и переулков.

М.С. Щепкин тоже всегда указывал свой адрес по ближайшей церкви: «Большой Спаский переулок у Спаса на Песках».

О том, как вводился современный вид московского адреса – с указанием названия улицы и номера дома, – рассказывает в своих воспоминаниях «Москва в 1870—1890-х годах» историк М.М. Богословский. В его время основной адресной приметой дома являлось имя его владельца. «Бывали, – пишет он, – затруднения и в тех случаях, когда по одной улице домами владели однофамильцы, и при указании адреса надо было обозначать, что адресат живет не только в доме Иванова, но «в доме Иванова, бывшем Брабец». Впрочем, надо сказать, что тогда не было еще общепринятого порядка в обозначении адресов и их обозначали то по полицейским частям и кварталам, например: «Хамовнической части 2-го квартала на углу Неопалимовского и Малого Трубногo переулкa, дом такого-то», то по церковным приходам, например: «у Мартына Исповедника», «у Успенья на Могильцах», «в приходе церкви Неопалимыя Купины».

Иногда же прибегали к различным совершенно случайным обозначениям: против такой-то церкви, против вдовьего дома, против пожарного депо и т.д. Нумерация домов начала заводиться, помнится, с девяностых годов, но этот общеевропейский порядок, уже давно усвоенный в Петербурге, в Москве прививался очень туго. Распоряжения о номерах несколько раз издавались, номера заводились, но как-то не прививались и быстро выходили из употребления. Чтобы сломать упорство московских обывателей и окончательно упрочить новый порядок, пришлось прибегнуть к запрету писать на воротах фамилию домовладельца».

Т.Л. Щепкина-Куперник – это уже в предреволюционное десятилетие – вспоминает, что дом, в котором она жила в юности в Москве, имел чисто московский адрес: «Божедомка, дом Полубимова, что против большой ивы».

Сейчас не пишут на конвертах таких адресов, обстоятельства заставили перейти на строго формализованный адрес. Но традиции живут в устной форме – фольклор неистребим. Звонит мне приятель:

– Я получил новую квартиру у черта на куличках, в Бабушкине. Запиши адрес: выйдешь из электрички, на другую сторону не переходи, иди в туннель, за туннелем будет площадка, на ней табачный киоск, магазин «Вино», повернешь на улицу за «Вином», там дома

с одной правой стороны, пройдешь три дома, потом будет девятиэтажный дом, по тропинке обойдешь его справа до серого дома, увидишь три зеленых корпуса, в промежутке между ними, перпендикулярно к ним, стоит наш корпус, от правого угла третий подъезд, второй этаж, из лифта налево, первая дверь. Записал? Ну, приезжай в это воскресенье.

Какая уж тут речь про номер дома! Даже официального названия улицы не понадобилось – все и так ясно...

Рост Москвы, усложнение городской структуры требовали упорядочения городских адресов и наименований улиц. Поскольку государственного учета и регулирования названий улиц не было, то единственным фиксирующим их документом становились составляемые и издаваемые время от времени городскими топографами планы Москвы. Причем, как правило, топографы не просто перечерчивали прежние планы, но сверяли их с натурой. Поэтому на планах разных лет некоторые переулки имеют разные названия, отражая положение на данное время.

Но в целом прошедшие народный отбор названия улиц оставались практически неизменными много десятилетий и даже веков и служили верными ориентирами в городе. Их знали все, и не только москвичи, но и по всей России.

К концу XIX века в Москве и в переулках, особенно в центре, застраиваемом многоэтажными домами, изменения названий прекращаются. Это было естественное и закономерное явление.

В 1915 году вышла изданная Московской городской думой книга межевого инженера, гласного Думы А.Н. Петунникова «Пути сообщения в Москве по высочайше утвержденному плану», в которой содержалась полная юридически зафиксированная характеристика городской планировки и застройки и городских проездов всех разновидностей. Планы, по которым была составлена работа Петунникова, и текст книги зафиксировали и закрепили за всеми проездами-путями сообщения существующие названия.

Таким образом, в начале XX века топонимика Москвы была законодательно утверждена в своем историческом составе и в будущем защищена высочайшим утверждением от произвольных изменений.

Но будущее московской топонимики оказалось иным, чем можно было предположить в 1915 году.

Революционные переименования

Через несколько дней после получения в Москве известия из Петрограда о Февральской революции 1917 года на одном из очередных заседаний Московской городской думы гласный Думы Н.А. Шамин предложил Воскресенскую площадь, на которой находилось здание Думы, переименовать в площадь Революции, а другой думец – присяжный поверенный Г.А. Погребцов, поддержав саму идею переименования, выдвинул, свой вариант – площадь Свободы. Однако официального оформления это революционное переименование тогда не получило.

Затем произошла Октябрьская социалистическая революция, и вновь к вопросу о переименовании московских улиц в революционном духе уже новое, коммунистическое правительство вернулось год спустя.

11 марта 1918 года советское правительство во главе с В.И. Лениным, опасаясь, что Петроград может быть взят белыми, переехало в Москву.

12 апреля на заседании Совета народных комиссаров обсуждался и был принят декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Республики». Декрет подписан Лениным, Луначарским и Сталиным. В одном из пунктов декрета говорится и о названиях московских улиц: «...поручается спешно подготовить декорирование города в день 1 мая и замены надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России».

Декрет «О снятии памятников...» написан и выпущен в Москве, в его тексте содержится распоряжение о «замене названий» города, то есть совершенно очевидно, что это указание прежде всего относится именно к Москве.

Сразу же по опубликовании декрета, а он был опубликован через два дня после утверждения на заседании Совета народных комиссаров – 14 апреля 1918 года, в Москве приступили к его выполнению.

Переименования производили созданные в районах комиссии. Старая партийка врач Л.А. Духанина вспоминает: в те времена ей было 17 лет, она состояла в партийной организации Рогожско-Симоновского района, и ее «включили в комиссию по переименованию улиц района. Возглавлял комиссию старый большевик Воронин. Он ходил с палочкой, всегда в галстук «бабочкой». Товарищеский переулок, Большая Коммунистическая улица, шоссе Энтузиастов... Правда, последнее название вызвало в комиссии спор. Казалось, что это трудное и не совсем понятное слово не приживется. Но Воронин все-таки убедил всех, что Владимирское шоссе, по которому шли политические ссыльные, только так и можно назвать. Шоссе Энтузиастов – название прижилось, но знает ли кто-нибудь его значение?» Замечу, что прежнее народное название – Владимирка – до сих пор всплывает, когда надо указать, где же находится шоссе Энтузиастов и куда оно ведет, а что касается значения нового названия, то автор воспоминаний права: очень немногие знают, какой смысл вкладывали в него те, кто переименовывал.

Мнением москвичей, конечно, не интересовались, переименовывали московские улицы в райкомах, райсоветах, при закрытых дверях. С тех пор это стало нормой работы городской власти.

Если прежние московские названия были оригинальными, каждое на особинку, то революционные оказались типовыми, потому что переименовывали улицы люди одного, довольно узкого, круга, одних политических убеждений и пристрастий.

Поскольку декрет поручал замену названий улиц местным, районным властям, то они производили ее, не согласовывая с соседями, поэтому в Москве в каждом районе появились

улицы с одними и теми же названиями. Так в Москве появилось по несколько Коммунистических, Советских, имени Карла Маркса, Октябрьских, Борьбы, Коммуны, Партийных, Товарищеских, Рабочих, Интернационала, Восстания, Баррикадных, Декабрьской Революции (имелось в виду восстание декабря 1905 года); к названию Пресня прибавили эпитет «Красная»; улицы называли именами известных в партийных кругах деятелей русского и международного рабочего и революционного движения, но почти неизвестных большинству москвичей, например, трем улицам дали имя Эжена Потье, автора стихов партийного гимна «Интернационал»...

Можно понять райкомовцев, переименовывавших старые московские улицы и переулки: они вступали сами и вели народ в новый мир с великими надеждами и великим энтузиазмом, им искренне и во благо народа хотелось утвердить символы нового мира. Но объективно получалось, что они нарушали многовековую народную традицию тем, что присвоили себе право, принадлежавшее народу.

Москвичи обсуждали между собой переименования. В этом отношении любопытна запись от 4 мая 1918 года в дневнике мелкого московского служащего, «московского обывателя», как он называет себя, Н.П. Окунева: «Появились первые распоряжения о перемене названий московских улиц. Пресня Большая будет именоваться «Красной Пресней», «Горбатый мост – «мостом 1905 года». Немецкая улица – «улицей Баумана» и т.д. Надолго ли эти названия? И почему Немецкую улицу не назвали «Пушкинской» – ведь дом, где родился Пушкин, и сейчас стоит там. Причем здесь Бауман, рядовой революционер, убитый в 1905 году, разве только поэтому этой улице дали его имя, что он погиб на ней? Но вот у стен Кремля сколько погибли революционеров (к этому времени на Красной Площади у Кремлевской стены уже появились братские и индивидуальные могилы революционеров. – В.М.) даже более знаменитых, чем Бауман, – но нельзя же Красной площади дать название, перечисляющее десятки имен».

Очень по-московски звучит вопрос Окунева, «надолго ли эти названия?», основанный на воспоминании о том, как прежде Москва игнорировала назначаемые сверху названия улиц.

Характерны обоснования переименований, которые печатались в прессе. Они были прямы и наивны, как энтузиазм и мышление их авторов. Причем авторы переименований не замечали, как двусмысленно звучали сочетания старого и нового названий улицы поставленных рядом: «Пустую улицу переименовать в Марксистскую улицу в честь марксистского учения и его последователей». Особенно много подвохов преподносила идеологизация названий тупиков: Новоспасский тупик был переименован в Крестьянский тупик «в честь советского крестьянства». Конечно, тогда не предполагали, с какой горькой пророческой иронией это название будет звучать несколько десятилетий спустя.

До сих пор старожилы помнят, как в Рогожско-Симоновском районе две улицы были переименованы в Большую и Малую Коммунистические, переулок – в Коммунистический переулок; кроме того, в комплект переименований входил еще и Коммунистический тупик. Надо обладать полной глухотой к слову, чтобы наряду с Магистральной улицей, «названной при прокладке с учетом ее назначения как главной местной магистрали», окрестить примыкающие к ней непроезжие тупики 1-ми 2-м Магистральными тупиками.

Одни и те же революционные переименования улиц распространились по всей России. Описывая типичный уездный город 1919 года в Среднем Поволжье, писатель Артем Веселый в романе «Россия, кровью умытая» отобразил характерное явление: «Спешно переименовывались улицы: Бондарная – Коммунистическая, Торговая – Красноармейская, Обжорный ряд – Советский, Вшивую площадь и ту припочли – сроду на ней галахи в орлянку резались, вшей на площади били – площадь Парижской коммуны... Заведующий отделом управления, вчерашний телеграфист Пеньтюшкин, большой был искусник на такие штуки...

Даже самые глухие и жителями забытые переулки – Запанный и Песочный – были переименованы в Дарьяльский и Демократический».

Великолепный летописец советского быта В.В. Маяковский обратил внимание на однообразные переименования улиц. В стихотворении «Ужасающая фамильярность» он писал:

Куда бы
ты ни направил разбег
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи,
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского —
переулок или тупик. Где я?
В Ялте или в Туле? Я в Москве
или в Казани? Разберешься?
– Чорта в стуле! Не езда, а – наказание.

Шквал первых советских переименований был по сути своей стихийным и романтическим, а потому и не всегда идеологически выдержанным. Следы этой невыдержанности остались в некоторых культурных проектах, осуществленных в то время: например, на «Обелиске выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся» в Александровском саду, переделанном в 1918 году из обелиска в память 300-летия дома Романовых, на котором наряду с Марксом, Энгельсом, Либкнехтом оказались высечены имена весьма сомнительные с точки зрения большевистской идеологии: Прудон, Михайловский, Плеханов... Так же получилось и с улицами, через несколько лет эти названия с мотивировкой «название неправильное» были заменены.

Укрощение стихии

С точки зрения советской власти, дореволюционная система создания московской топонимики имела тот недостаток, что над ней были не властны органы управления, и поэтому она была для Советов органически неприемлема.

В 1919 году стихийные переименования были поставлены под государственно-партийный контроль. Правда, в пожаре гражданской войны не всегда удавалось осуществить этот контроль, но общая тенденция отношения советской власти к топонимике наметилась уже тогда и впоследствии неуклонно проводилась в жизнь.

В 1921 году Моссовет принял постановление «О порядке переименования улиц, проездов и площадей города Москвы», в котором право переименования предоставлялось только президиуму Моссовета, для чего при нем была образована специальная комиссия. В комиссию, кроме работников Моссовета, вошли историки-краеведы П.В. Сытин, М.А. Александровский, П.Н. Миллер, чем ей был придан некоторый научный авторитет. Для «научности» в программе работ комиссии содержалось указание, что переименование требуется производить в соответствии с «археологическими данными». Однако гораздо важнее был другой пункт программы, в котором говорилось, что комиссия должна искоренять в названиях все, связанное со старым, царским строем, и увековечивать имена деятелей революции. Нежелательными считались названия, связанные с именами царей и их приспешников, церковные названия, названия по владельцам и прочие, «отражающие дореволюционный отсталый быт». Одним словом, если выполнить поставленную Моссоветом задачу, следовало заменить все московские названия, потому что все они так или иначе отражали дореволюционный быт.

При переименовании, конечно, не историки имели решающий голос.

В Москве не было улиц, названных в честь «царей и их приспешников», поскольку просто не было такого обычая. Действительно, есть Александровские улицы, но одна из них названа по Александровскому институту благородных девиц, другая – по Александровской слободе; есть Николаевская улица, названная по проходящей вдоль нее ветке Николаевской железной дороги; есть Павловские улицы и переулки, названные по Павловской больнице, построенной Павлом I по обету «за избавление его от тяжелой болезни». Императорская площадь в Кремле названа по дворцу... Поэтому поставленный первым пунктом деятельности моссобетовской комиссии, на котором и зиждился пафос переименования, оказался фикцией, а дальше следовали вкусовщина и произвол.

Таким образом, в 1921 году ленинский декрет 1918 года получил в постановлении Моссовета развитие, конкретизацию и ужесточение.

Политический подход к топонимике и в то же время связь его с общей системой пропаганды спародировал В.В. Маяковский. В драме «Баня», где главный ее персонаж – законченный совбюрократ, «главный начальник по управлению согласованием, главначпупс товарищ Победоносиков», готовя речь по поводу пуска трамвайной линии, строит ее из ставших уже обязательными идеологических штампов, в частности восхваления всего советского и очернения всего дореволюционного, и тут же вплетает топонимический мотив в его классовую направленности:

«Победоносиков: ...Сегодня рельсы Ильича свяжут «Площадь имени Десятилетия советской медицины» с бывшим оплотом буржуазии «Сенным рынком»... Кто ездил в трамвае до 25 октября? Деклассированные интеллигенты, попы и дворяне. За сколько ездили? Они ездили за пять копеек станцию. В чем ездили? В желтом трамвае. Кто будет ездить теперь? Теперь будем ездить мы, работники вселенной. Как мы будем ездить? Мы будем

ездить со всеми советскими удобствами. В красном трамвае. За сколько? Всего за десять копеек».

Сначала моссоветовская комиссия занялась ревизией уже принятых переименований. «Одноименные названия, – пишет П.В. Сытин, – затрудняли работу почты, телеграфа, пожарных, скорой помощи и других городских учреждений. Потребовалось взяться всерьез и навести порядок в этом деле». Кроме того, были и идеологические неувязки: уже в 1919 году выяснилось, что не все современные «революционные деятели» могут претендовать на то, чтобы их именем что-либо называлось, и Моссовет, отменив решения райсоветов, оставил в силе только 64 переименования. Это было первое в советское время предпринятое и законодательно утвержденное решение о переименовании улиц.

В этом списке остались общереволюционные названия: площадь Борьбы (Александровская пл.), Коммунистическая улица (Алексеевская), Красноармейская (Большая Андроновка), Красногвардейская (Малая Андроновка), улица Баррикад (Кудринская), Международная (Носовиха), Марксистская (Пустая), Интернациональная (Таганская) и другие; названия в честь революционных деятелей прошлого: улица Спартака (Елоховская) (правда, некоторое время спустя последовало разъяснение, что улица названа не в честь предводителя восстания рабов и героя популярнейшего в дореволюционной России романа Джованьоли, а в честь немецкой коммунистической организации «Спартак»), Баумана (Большая Немецкая), Кропоткина (Пречистенка), Бебеля 1-я и 2-я (Церковные), Станкевича (Чернышевский пер.), Радищева (Верхняя и Нижняя Болвановки), площадь Карла Либкнехта (Серпуховская).

Из деятелей Октябрьской революции на карте Москвы осталось лишь четыре имени: в честь Свердлова – площадь Свердлова (Театральная); в честь Ленина переименован ряд улиц: Старая Башиловка – Ленинская улица, Воронья – Тульская (по другому псевдониму Ленина), Николо-Ямская – Ульяновская, Рогожская застава – Застава Ильича, Симоновская площадь – Ленинская площадь; в честь Троцкого – две улицы: Троцкая и Малая Троцкая (в Зыкове); и четвертое имя – «любимец партии» Н.И. Бухарин: в Бухаринскую улицу была переименована Золоторожская улица.

Затем началось плановое переименование. Год спустя, 7 июня 1922 года, Моссовет утвердил переименование 477 улиц, затем их число пополнялось ежегодно. В 1939 году своеобразный итог деятельности Моссовета по переименованию улиц подвел «Указатель к плану г. Москвы», изданный Отделом городских земель Московского Совета. Основную часть «Указателя», естественно, составляет список «Улицы, переулки, площади и проезды г. Москвы», он занимает 31 страницу, затем идет «Список переименованных улиц г. Москвы» (в общий список эти улицы также включены), и его объем – 22 страницы. Нетрудно подсчитать, какая часть московских исторических названий пропала с карты города.

К этому времени значительно пополнилось количество улиц, названных именами революционных и советских деятелей: улица Атарбекова, Бабаевская, Верземнека, Войкова, Володарского, Ворошилова, Карла Маркса, Фридриха Энгельса (а также общей улицей – Маркса и Энгельса), Обуха, Серафимовича, Герцена, Огарева, Чапаева, Русакова, Хромова, Степана Разина, Сайкина, Фрунзе, Маленкова, Куйбышева, Мрузова, Дубинина, Хрусталева, Дзержинского, Н. Островского, Нариманова, Шелгунова, Кирова, Фурманова, Павлика Морозова, Воровского, Абельмана, Жевлюкова, Капранова, Заморенова, Горького (набережная, улица, площадь), Халтурина, Скворцова-Степанова, Люсиновой, Шмидта, Померанцева, Стопани, Аристархова, Владимирова...

Появились также новые производственные названия: Автозаводская, Шарикоподшипниковская, Наркомхоза тупик, Машиностроения, Моснефтекип, Газгольдерная, Газовская и другие.

Каждое время оставляет свой след в топонимике города, это – памятки истории, и двадцатые-тридцатые годы – тоже наша история, ни из нашей жизни, ни из памяти ее не

выкинешь. Было в той жизни светлое – это мечта о прекрасном будущем, которое, как казалось, уже прорастало в настоящем – новыми заводами, школами, библиотеками, детскими садами, достижениями ученых, спортсменов, летчиков, массовыми, красочными, шумными, с бодрыми песнями, с тысячами флагов демонстрациями, подчеркнуто аскетической одеждой вождей, говорящих народу, что они сделают его счастливым, только пусть он беззаветно идет за ними туда, куда они ведут. Ради осуществления мечты человек может вынести очень много, почти любые трудности и лишения воспринимаются не как несчастья, а как славный героический путь к цели. Отразилась эта мечта и в тогдашних переименованиях: шоссе Энтузиастов, улицы Рабочая, Школьная, Библиотечная, Бодрая, Индустриальная, Вольная, Правды, Метростроевская, переулки Рабфаковский, Бунтарский, Танковый...

Новое использование уличных названий

На государственной практике переименование улиц советскими властями превратилось не столько в способ упорядочения городской топонимической системы, сколько в средство государственной пропаганды, которой в сознание населения внедрялись основные положения и идеалы советской революционной идеологии. Но затем коммунистическое руководство открыло, что топоним можно использовать еще в одном качестве: как награду, знак отличия для лиц, имеющих перед властью особые заслуги.

Практика давать улицам имена «заслуженных» и «выдающихся» уже в первые после-революционные годы содержала в себе отраву начальственной благосклонности, признания, отличия; руководство партии и правительства все более и более превращало топонимику в своеобразный вид награды, к тому же не стоившей ему ничего, а потому щедро раздававшейся. В обществе, особенно среди разных «деятелей», жаждущих лавров и известности, эта идея получила распространение, и появились личности, желающие во что бы то ни стало «получить свою улицу».

В 1921 году поэты-имажинисты именно этим способом – наименованием своими именами улиц – решили добиться поэтической славы, но при этом прибегли к обману, так как законным способом получить свои улицы они не имели надежды.

Вадим Шершеневич объясняет, почему они пошли на этот шаг. Его логика такова: в каждом городе существует Пушкинская или Гоголевская улицы, но нет Есенинской или Мариенгофа. Слава и талант последних не уступают первым, но их не знают. «Почему? – задает он вопрос и с твердой уверенностью отвечает: – Потому что таких улиц нет в столице, в Москве».

Имажинисты заказали в мастерской эмалированные дощечки с надписями: «Улица Есенина», «Улица Кусикова», «Улица Мариенгофа», «Улица Шершеневича». «На вопрос продавца: «Кто эти люди и почему в их честь переименовываются улицы?» – вспоминает Шершеневич, – мы отвечали, удовлетворяя любопытство: «Это красные партизаны, освободившие Сибирь от Колчака».

Затем распределили улицы. «Мы вышли вшестером на улицу (это из воспоминаний М.Д. Ройзмана), моросил осенний дождь, было темно. На Большой Дмитровке приставили легкую лестницу к стене дома, сорвали дощечку с наименованием улицы, и она стала называться улицей имажиниста Кусикова. На Петровке со здания Большого театра Мариенгоф снял дощечку и прибил другую: «Улица имажиниста Мариенгофа». Вскоре Мясницкая сделалась улицей имажиниста Н. Эрдмана, Кузнецкий мост – Есенинским (тут ошибка памяти автора: Есенинской улицей была названа Тверская. – 5.М.), а Большая Никитская – улицей имажиниста Шершеневича».

После развески табличек с их именами имажинисты ожидали шума, разговоров, скандала, но, к их удивлению, ничего этого не последовало.

Кусиков специально нанимал извозчика: «На Кусиковскую!» Тот говорил, что нет в Москве такой улицы. «Бывшая Большая Дмитровка, – пояснял поэт и, подъехав к углу, где висела табличка, показывал на нее: Есть Кусиковская, а Дмитровки нет». «Это нам все равно», – отвечал извозчик. Таблички провисели несколько дней, затем их тихо сняли, квалифицировав как хулиганство. Но из всего этого эпизода имажинисты поняли, что название улицы, даже центральной, твоим именем славы тебе не принесет и известности не прибавит.

Лишь немногие из тех, кого руководство страны чествовало переименованием улицы или города, понимая двусмысленность и аморальность подобного акта, решились попробовать отказаться от этой чести. В 1925 году М.И. Калинин на собрании жителей Кимрского уезда, намеревавшихся переименовать город и уезд в его честь, сказал: «Я считаю,

что совершенно излишне переименовывать уезд моим именем... Я считаю, старые названия надо сохранять... Кимры – название очень интересное, по-моему, его надо беречь... Поэтому я решительно возражаю. Это нецелесообразно практически и, наконец, это доказывает нашу спешку, наше неуважение до известной степени к прошлому. Конечно, мы боремся с прошлым, строим новое – это верно, но все, что ценного в прошлом, – мы должны брать. Вот, когда мы умрем и пройдет лет пятьдесят после нашей смерти, и наши потомки найдут, что мы совершили что-то заслуживающее внимания, тогда они смогут вынести решение, а мы еще молоды, мы, товарищи, не можем себя оценивать. Слишком самоуверенно думать, что мы заслуживаем переименования места нашим именем».

В 1932 году в СССР широко отмечался юбилей 40-летия литературной деятельности Горького. Сталин заранее сообщил ему, что город Нижний Новгород будет переименован в Горький. Писатель просил не делать этого. На что Сталин развел руками, сказав: «Алексей Максимович, дорогой! Ну, конечно, мнение руководителей нашей страны кое-что значит. Но главное все же – воля народных масс!» Несколько дней спустя в газетах появилось письмо сормовского рабочего Овсянникова с предложением о переименовании Нижнего Новгорода в Горький, за ним пошли аналогичные письма трудящихся. Протесты Горького, конечно, ни одна газета не напечатала бы, но он поступил по-иному. Он не реагировал на факт переименования, и даже в письме землякам, поблагодарив за присланное поздравление с юбилеем, он не поблагодарил их за переименование города в его честь.

А.М. Горький также был недоволен, что его имя использовали для переименования Тверской улицы.

...Между прочим, давая в награду улицу, правительство поступало с этой наградой точно так же, как в феодальные времена московские цари поступали с пожалованными поместьями, то есть когда благоволит – жаловали, когда гневались – отбирали. «Наградные» названия улиц тоже отбирались: так в свое время пропали с плана Москвы улицы Бухарина, Троицкого, Блюхера.

Но главным в политике наименования улиц для правительства было все-таки не удовлетворение тщеславия соратников, а то, что переименованием улиц режим добивался широкого пропагандистского эффекта: ведь эта награда всегда находилась в поле зрения, демонстрируя признательность и благодарность партии и правительства к «лучшим», «достойным» людям страны и в то же время внушая, кто же персонально является «лучшим» и «достойным», чему очень многие верили.

Сейчас мы уже знаем, что большинство удостоенных при жизни или после смерти «увековечиванием» улицами партийных и иных советских деятелей в действительности оказалось отнюдь не такими, какими их изображала пропаганда, и названные их именами улицы снова переименованы. Но сама идея о названии улицы как награде нанесла повсюду топонимике огромный вред, впрочем, так же, как и народной нравственности.

Появление некролога в «Правде» почти механически влекло за собой переименование улицы, в комиссию Моссовета по наименованию улиц «сверху» поступало распоряжение: «Подыщите для имярек улицу, но чтобы была достойная». По этому поводу возникла горькая шутка: «Москва мало-помалу превращается в филиал Новодевичьего кладбища».

Среди начальства и в обществе упорно держится убеждение, что акт наименования улицы чьим-либо именем служит его увековечению. Наивное заблуждение! Кто знает Хухрикова, хотя его имя «увековечено» в названии московской улицы двести лет назад? Или чем славна Лаврушина, ведь ее имя «увековечено» уже три столетия? Во всем мире Лаврушинский переулок славен тем, что в нем находится Третьяковская галерея, но славы купеческой вдове Лаврушиной он не принес. Гвоздев, Гришин, Головачев, Константин Царев, Лапин, Трофимов – наши современники, их именами тоже названы улицы, но это не прибавило им известности. Из этого следует вывод: если ставится задача «увековечить» память о человеке

названием улицы, то для успеха этой акции необходимо, чтобы его имя уже имело бы до превращения в топоним широкую известность.

Кроме того, необходимо подумать и о таком нравственном аспекте: если улица, на которой жил человек, названа его именем, то получается, что все остальные обитатели этой улицы, когда-либо жившие на ней, как бы недостойны этого отличия, вроде бы они ниже сортом.

Так, в 1962 году старинный Брюсов переулок, называвшийся так с середины XVIII века, был переименован в улицу Неждановой в честь народной артистки СССР А.В. Неждановой (1873—1950). А между тем среди живших в разное время в этом переулке людей немало достойных имен: драматург А.В. Сухово-Кобылин, писатель В.А. Гиляровский, поэт С.А. Есенин, скульптор И.Д. Шадр, архитектор И.И. Рерберг (строитель Киевского вокзала, Центрального телеграфа и многих других зданий в Москве), известные артисты московских театров: А.С. Пирогов, И.С. Козловский, Н.А. Обухова, О.В. Лепешинская, В.И. Качалов, И.М. Москвин, Е.В. Гельцер, В.Э. Мейерхольд, А.П. Кторов, композиторы Д.Б. Кабалевский, Д.Д. Шостакович, А.И. Хачатурян. Замечательные люди, блестящие имена, многим из них установлены на домах мемориальные доски – и все эти люди жили в Брюсовом переулке, а не на улице Неждановой (как, впрочем, и она сама), и вот – противопоставили ее всем остальным, не очень-то ладно получилось.

Еще более безнравственной представляется ситуация, когда речь идет об участниках Великой Отечественной войны.

С каждой улицы москвичи сотнями уходили на фронт, многие из них погибли, героически защищая Москву, и, как поется в песне:

И помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой,
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой.

Поэтому, с моральной точки зрения, несправедливо называть старую московскую улицу именем какого-то одного из участников войны, даже если он маршал. Мемориальная доска предпочтительней переименования улицы.

Времена новые, дела старые. В предвоенные годы массовые переименования старых московских улиц прекратились, переименовывали их лишь по случаю смерти какого-либо деятеля для «увековечения» его памяти. Так продолжалось до хрущевской «оттепели».

Наступила «оттепель», прошумела кампания борьбы против культа личности Сталина, а отношение московских властей к топонимике осталось прежним: заменили несколько названий с именами очередных проштрафившихся партийных деятелей, вроде В.М. Молотова, и в 1962 году на исторические московские названия началось новое идеологическое наступление. Председатель Моссовета Промыслов предложил комиссии по наименованию улиц заняться сплошной заменой тех названий, которые происходят от фамилий домовладельцев, а также церковных названий. Понятно, что распоряжение шло от Хрущева, развязавшего кампанию по сносу церквей.

Тогдашний секретарь исполкома Моссовета и по должности председатель комиссии по наименованию улиц (совмещение этих должностей соблюдалось до конца 80-х годов) А.М. Пегов дал интервью «Московской правде» по этому вопросу. «Комиссия намерена добиться, – заявил он, – переименования улиц с явно устаревшими, неблагозвучными названиями. Таковы Вознесенский и Николоворобьинский переулки, напоминающие о церквях, Усачевская улица, названная именем фабриканта, Могильцевский переулок, Таракановская улица, Шелапутинский и Зачатьевский переулки». Пегов привел лишь несколько названий,

и не самых главных, искоренению должны были быть подвергнуты около 500 старомосковских названий, и среди них такие, как Петровка и Сретенка, получившие свои названия от монастырей.

Моссоветовская комиссия, давно уже укрощенная и сломленная, послушно принялась составлять списки и вносить предложения по замене названий. Начались переименования: 1-й Зачатьевский переулок стал улицей Дмитриевского, Гагаринский переулок – улицей Рылева, Домниковка – улицей Маши Порываевой...

Но времена действительно изменились, советские граждане робко, но все-таки уже начинали высказывать собственное мнение, кое в чем не совпадавшее с мнением начальства. У многих москвичей новая волна переименований вызвала возмущение, они писали письма в газеты, в Моссовет. Организацию общественного мнения взял на себя А.Ф. Родин – известный педагог, краевед, просветитель, бывший земец. 20 ноября 1962 года он выступил в Географическом обществе с программным докладом «О наименовании улиц Москвы». Доклад был резкий, конкретный и рискованным, поскольку докладчик и слушатели знали, что переименования, осуществляемые Моссоветом, производятся по прямому указанию главы партии и правительства. В архиве А.Ф. Родина сохранился текст этого выступления.

«Нас сейчас вынуждают ставить в Географическом обществе, – говорил А.Ф. Родин, – вопрос о наименовании улиц в столице и переименовании их с организационной стороны и со стороны содержания названий.

Нас как граждан Москвы беспокоит случайность, бессистемность, бесперспективность, иногда даже неграмотность со стороны тех органов, которые вновь наименовывают и переименовывают старые названия улиц.

Мы полагаем, что ставить этот вопрос – наша обязанность: прошли те времена культа личности, когда ставить такие вопросы гражданам и не полагалось: есть, мол, органы власти, и за пределами их не должно быть места развязыванию инициативы масс.

Восстановление ленинских норм общественной жизни, развитие советской демократии, провозглашенные партией, начиная с XX съезда КПСС, обязывают нас организованно заявить о тех ненормальностях, которые наблюдаются сейчас в Москве, в столице нашей страны».

Далее А.Ф. Родин формулирует принципы, по которым должно идти наименование и переименование улиц.

Сначала следуют общие принципы: «Название каждой улицы Москвы, где сочетаются и современность, и древность, является (вернее, должно быть) черточкой к биографии великого города. Эта идея – связь названия каждой улицы с признаками города, его прошлой историей, его современностью – должна лежать в основе нашего подхода при решении поставленного вопроса.

В интересах населения названия должны быть устойчивыми, не носить временного характера и не переименовываться при первом же случае.

Названия улиц должны быть индивидуальны, неповторимы. Не допускаются не только одинаковые, но и близкие по звучанию названия: например, Дмитриевский пер. (в районе Остоженки, новое название), Дмитровский пер. (в районе Петровки), Дмитровский проезд (в районе Дмитровского шоссе)».

Собственно говоря, эти три пункта составляют суть топонимического названия, показывая, что идеологическая сторона в нем является привнесенным элементом. К сожалению, эти три принципа до сих пор остаются непонятыми городскими властями и нарушаются до сих пор.

Доклад Родина и обсуждение его имели своим результатом то, что от имени Московского отделения Географического общества было отправлено А.М. Пегову письмо с просьбой и предложением вернуть некоторые старые названия: Старая Басманная, Земляной

вал, Остоженка, Поварская, Садовническая, Театральная площадь. Письмо осталось без ответа.

Между тем, чтобы приостановить процесс переименования, А.Ф. Родин предложил «установить список московских улиц с названиями, подлежащими государственной охране («заповедных») как культурно-исторические памятники Москвы и не подлежащими в дальнейшем переименованию, причем предполагается утверждение списка в том же порядке, в каком советское правительство утверждает принятие на охрану памятников истории, культуры, искусства, народного быта» (доклад в Географическом обществе 13 мая 1963 г.).

Эти выписки из неопубликованных выступлений А.Ф. Родина, их положения и принципы, кроме того, что они имеют исторический интерес, представляют ценность для современности и остаются актуальными до сих пор.

Бурные заседания 1962—1963 годов в топонимической комиссии Географического общества всколыхнули общественность. Тема московских названий проникает в печать. «Литературная газета» в номере от 26 октября 1965 года поместила статью В. Бушина «Кому мешал Теплый переулок?», в которой автор выступал за сохранение исторических названий и возвращение их переименованным городам и улицам. Полемика с ним пошла по формуле «сам дурак». Среди отповедей, прочитанных ему защитниками советских идейных названий, самая остроумная (в «Московской правде») звучала так: «Кому мешал Теплый переулок, спрашиваете вы, тов. Бушин? А кому мешает Люсиновская улица? Кому помешала улица Тимура Фрунзе?» Полемика, вызванная статьей В. Бушина, отшумела и затихла, но проблема осталась.

Об отношении народа к революционным идеологическим переименованиям можно судить по цитированному выше стихотворению В.В. Маяковского (1926 г.), страницам из романа Артема Веселого (1922 г.), но в основном «народ безмолвствовал». Чувство самосохранения заставляло людей скрывать свое мнение.

Хотя, в общем-то, было кое-какое гражданское неповиновение: люди продолжали называть улицы прежними названиями, и иногда помогало. Так, Мясницкая, в 1918 году официально названная Первомайской, сохраняла свое исконное имя до того, как последовало личное распоряжение Сталина переименовать ее в улицу Кирова; небезопасно шутили: «Проспект Карла Маркса ведет прямо на площадь Дзержинского»; Анна Ахматова, как вспоминает М. Ардов, когда он употребил выражение «у Кировских ворот», «поправила меня с возмущением: – У Мясницких ворот! Какие у Кирова в Москве могут быть ворота!» Ленинградцы своим, почти всеобщим молчаливым неприятием переименованных названий и упорным употреблением исторических топонимов намного раньше москвичей добились возвращения некоторых из них.

В январе 1945 года было опубликовано следующее решение Ленинградского исполкома.

РЕШЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ от 13/1 1944 года

Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего лучше обеспечивают внутригородские связи, Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся решает восстановить наименование следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города:

Восстановленные наименования

Невский проспект
Садовая улица
Измайловский проспект
Измайловская площадь
Марсово поле
Исаакиевская площадь
Казанская площадь
Литейный проспект
Владимирский проспект
Большой проспект
Введенская улица
Адмиралтейская набережная
Таврическая улица
Суворовский проспект
Большой проспект
Средний проспект
Малый проспект
Дворцовая площадь
Дворцовая набережная

Существующие наименования

Проспект 25 Октября
Улица 3 июля
Проспект Красных командиров
Площадь Красных командиров
Площадь Памяти жертв революции
Площадь имени Воровского
Площадь имени Плеханова
Проспект имени Володарского
Проспект имени Нахимсона
Проспект Карла Либкнехта
Улица имени Розы Люксембург
Набережная имени Рошалья
Улица имени Слуцкого
Советский проспект
Проспект Пролетарской победы
Проспект Мусоргского
Проспект Железняка
Площадь Урицкого
Набережная 9 января

Председатель Исполнительного комитета
Ленинградского городского Совета депутатов
трудящихся *П. Попков*

В Москве вся последующая тридцатилетняя история московской топонимики, с 60-х до начала 90-х годов, проходила под знаком противостояния ни в чем не менявшихся московских властей и московских краеведов, пытавшихся отстаивать свои принципы.

В глухие времена на защиту исконных московских названий, не давая обществу забыть их, становилась поэзия.

Ильинку с Божедомкою, конечно,
Не в наших нравах предавать поспешно,
И Усачевку, и Охотный ряд...
Мы с ними слиты чисто и безгрешно,
Как с нашим детством – сорок лет подряд...

Булат Окуджава, 1970 год

Мой Моссовет, Остоженку верни,
Мясницкую верни и Маросейку!

Лев Ошанин, 1982 год

Вопреки всем известной поговорке «хоть горшком назови, только в печь не стави» (правда, поговорки того же рода житейской мудрости, что и горькое утешение «бывает и хуже») оказалось, что название родного города и улицы вовсе не безразличны их жителям.

Возвращение Остоженки

Можно заметить некую закономерность в том, что при каждой «оттепели» в политической жизни советского государства неизменно всплывал вопрос о переименованных городах и улицах.

Первое возвращение исторических названий улицам и переулкам Москвы происходило в 1921—1922 годах под флагом ликвидации одноименности, но фактически это было действительно возвращением названий. Тогда, после трех лет военного коммунизма, происходил переход к нэпу, сопровождаемый некоторой либерализацией.

Затем та же проблема заявила о себе в эпоху хрущевской «оттепели».

И уж, конечно, следовало ожидать оживления этого вопроса при начале «перестройки». И он действительно возник в 1985 году.

На этот раз центром возмущения топонимической деятельностью Моссовета стал Совет по литмузеям, памятникам истории и культуры Московского отделения Союза писателей. Объявленное заседание на тему «Имена московских улиц» собрало неожиданно много народу, и страсти, кипевшие на нем, критика Моссовета были столь громки, что попали на страницы газет.

Основной доклад на заседании сделал Ю.К. Ефремов – поэт, географ, давний член комиссии Моссовета по наименованию улиц, еще в 60-е годы вместе с А.Ф. Родиным выступавший за сдерживание топонимического произвола и возвращение московских исторических названий. Он рассказал о деятельности комиссии, о требованиях, которые к ней предъявляют партийные и советские органы.

Репортер «Московского комсомольца» дал сообщение о заседании. «Ужас, что творится с именами московских улиц! Фамилии деятелей международного рабочего движения в сочетании с московской разговорной речью, наши стремления то к авангардизму, то к антиквариату – все это перемешалось и вылилось в жуткую топонимическую сумятицу. Об этом и необходимости борьбы с этими явлениями шла речь на очередном заседании секции «Имена московских улиц» в Центральном Доме литераторов».

Но то, что репортер назвал сумятицей, вернее было бы назвать всплесками эмоций.

Литераторское ухо специфично, память тоже, и названия воспринимаются острее, и запоминаются крепче, и реагирует литератор на них более сильно. Поэтому выступления писателей изобиловали живыми примерами, на которые аудитория отвечала то смехом, то бурным негодованием.

Присутствовавшие припомнили многие московские названия – плоды чиновничьего топонимического творчества вроде улиц Мосвокстроя (в честь организации, занимающейся строительством водопроводных и канализационных магистралей) и Моснефтекип (завод контрольно-измерительных приборов для нефтяной промышленности), Верхний Трикотажный проезд и Нижний Трикотажный проезды, уже хрестоматийные 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю улицы 8 Марта.

Продемонстрировали типичные топонимические разговоры москвичей вроде такого:

– На восемнадцать-двенадцать сходите? – А это у Филев? – Нет, это за Гречкой. – А, выхожу...

Надо ли объяснять москвичам, что пассажиры автобуса имели в виду улицу 1812 года, станцию метро «Фили» и проспект Маршала Гречко?

Однако шумное, разноголосое писательское вече, на котором каждому желающему было дано слово, в своем отношении к проблеме было единодушно: старинным улицам необходимо вернуть их исконные исторические названия.

После этого памятного заседания в Центральном Доме литераторов в комиссию исполкома Моссовета по наименованию улиц были введены несколько новых членов из общественности, в том числе писателей, и проблема возвращения исторических названий московским улицам выдвинулась в ее работе на одно из главных мест.

Прежде всего, как справедливо заметил Ю.К. Ефремов, необходимо остановить процесс переименования улиц, и он предложил составить «Красную книгу Москвы» – перечень исторически ценных наименований улиц города, которые как памятники культуры и истории попадают под государственную охрану и не могут быть переименованы. «Красная книга Москвы» была составлена Ю.К. Ефремовым и в августе 1988 года опубликована в газете «Московская правда». Работа над ней выявила основной корпус сохранившихся исторических названий, а также переименованных, которые требуют возвращения.

Пока в Комиссии шла подготовительная теоретическая работа, общественное движение в Москве за возвращение исторических названий ширилась, устраивались обсуждения в творческих союзах, институтах, учреждениях, газеты публиковали статьи и письма читателей.

Движение стало таким заметным и общим явлением, что на него обратили внимание «наверху» и приказали удовлетворить требования общественности. Кто персонально принял такое решение, неизвестно, но ходили слухи, что Е. Лигачев. Одним словом, Моссовет получил распоряжение начать восстановление старых названий. 16 мая 1986 года утром из Моссовета позвонили Ю.К. Ефремову и приказали срочно, сегодня же, «к 17.00», составить и доставить список названий, подлежащих восстановлению, которые предлагает комиссия.

Поскольку в течение многолетних обсуждений и прикидок среди москвоведов определился приблизительный круг названий, с которых можно было бы начать процесс возвращения улицам их исторических имен, наметился список, который, по мнению москвоведов, могли бы принять московские власти и который наносил бы минимальный ущерб их коммунистической идеологии. За каждым возвращением стояла формальная, а не идеологическая причина, то есть меняли названия дублетные (из четырех, связанных с именем Карла Маркса, оставляли два), труднопроизносимые (вроде площади Пятидесятилетия Октября), аполитичные и данные в честь деятелей не первого ряда. Ю.К. Ефремов быстро составил требуемый список и передал в Моссовет.

Список интересен и как факт истории московской топонимики, и как свидетельство тогдашней степени общественного вольномыслия.

Итак, список от 16 мая 1986 года:

1. Ул. Метростроевская – ул. Остоженка.
2. Ул. 25 Октября – ул. Никольская.
3. Пл. Шолохова —Зубовская пл.
4. Пл. Пятидесятилетия Октября – Манежная пл.
5. Набережная Мориса Тореза – Софийская набережная.
6. 2-я Бауманская ул. – ул. Коровий брод.
7. Колхозная пл. – Сухаревская пл.
8. Ул. Богдана Хмельницкого – ул. Маросейка.
9. Ул. Школьная – ул. Рогожская.
10. Ул. Карла Маркса – ул. Старая Басманная.
11. Ул. Воровского – Поварская ул.
12. Пер. Пионерский – Патриарший пер.
13. Ул. Обуха – Воронцово поле.
14. Ул. Жданова – ул. Рождественка.
15. Ул. Кропоткина – ул. Пречистенка.
15. Ул. Горького – Тверская ул.

16. Лермонтовская пл. – пл. Красных ворот.
17. Пл. Свердлова (часть) – Театральная пл.
18. Фрунзенский вал – Хамовнический вал.
19. Ул. Кирова – Мясницкая ул.
20. Пл. Кировские ворота – пл. Мясницкие ворота.
21. Пл. Кропоткинские ворота – пл. Пречистенские ворота.
22. Проезд Художественного театра – Камергерский пер.
23. Ул. Осипенко – Садовническая ул.
24. Проспект Карла Маркса – Моховая ул., Охотный ряд, Театральный проезд.

Первым ознакомился со списком Ю.А. Прокофьев, тогда секретарь Мосгорисполкома и председатель комиссии по наименованиям улиц. Он сократил его до 14 названий.

Сокращенный список был передан председателю Мосгорисполкома В.Т. Сайкину. Тот в свою очередь выкинул еще 8 названий, осталось 6, и в таком виде список попал к первому секретарю МК КПСС Б.Н. Ельцину. На следующий день, выступая в ГлавАПУ, Ельцин сказал, что в списке есть возвращения бесспорные: это Красные ворота, Хамовнический вал, Остоженка и Театральная площадь, два же названия – Zubовскую и Мясницкую – он должен согласовать «наверху».

«Наверху» не согласовали.

Наконец в середине августа в московских газетах появилось официальное сообщение: «Учитывая пожелания общественности, москвичей, выраженные в выступлениях в печати, в письмах, поступивших на XXVII съезд КПСС, в МГК КПСС, комиссию исполкома Моссовета по наименованию улиц, исполком Моссовета решил восстановить некоторые старые названия улиц.

Улица Метростроевская теперь вновь будет называться Остоженка. Восстанавливается старое название улицы Фрунзенский вал – Хамовнический вал. Восстанавливается прежнее название станции метро «Красные ворота».

Таков оказался итог всех усилий общественности, москвичей, комиссии Моссовета по наименованию улиц: два возвращенных названия улиц и одна станция метро.

Газетные отклики шли под ликоующими названиями: «Здравствуй, Остоженка!», «Возвращение Остоженки». . . Некоторое время спустя тон заметок и писем читателей изменился: «Только три названия?», «Когда продолжение?»

Комиссия продолжала работать и подавать в исполком списки: «Материалы к поэтапному восстановлению исторически ценных названий в Москве», «Список исторических названий московских улиц, требующих восстановления в первую очередь»...

Между тем в горкоме и в исполкоме произошли кадровые перемены, но отношение к проблеме восстановления исторических названий оставалось прежнее, партийное: никаких Мясницких и Знаменок. Прокофьев, за это время ставший членом Политбюро, охарактеризовал возвращение названий как «политический демарш».

Однако, несмотря на количественную незначительность первого этапа возвращения старых названий, он имел огромное значение: впервые в истории советской и партийной власти она уступила не мифическим, а настоящим пожеланиям народа. Уступила – и замерла в ужасе от содеянного, потому что поняла – пробита брешь, начинается реальное разрушение ее идеологической твердыни.

Затем процесс возвращения названий был заморожен на четыре года. В эти годы Центральным Комитетом КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР, Советом Министров СССР были приняты политические решения о переименовании: было упразднено название площади Л.И. Брежнева в городе Москве (1988 г.), переименован Ворошиловский район г. Москвы в Хорошевский (1988 г.), переименована улица имени К.У. Черненко в Хабаровскую

улицу (1989 г.), возвращено историческое название улице Рождественке, в свое время ставшей улицей Жданова.

Надобно сказать, что этим решениям также предшествовали многолюдные митинги с плакатами и резолюциями: «Убрать имена сталинских подручных с карты столицы».

Демагогия как практика, или Шитье белыми нитками

Общественному движению за возвращение исторических названий московские власти противопоставили свое аппаратное движение, направленное против возвращения. Понятна причина: ведь возвращение прежних названий, кроме всего прочего, явилось одним из актов свержения идолов государственно-коммунистической пропаганды. Но защищать их в открытую стало невозможно: в прозревающем обществе росли антикоммунистические настроения. И тогда власти прибегли к иной практике.

Прежде всего они заблокировали принятие решений по этому вопросу, и все предложения комиссии по наименованиям улиц бесследно пропадали в недрах моссобетовских канцелярий. Но поскольку новые времена гласности требовали, чтобы власти все-таки реагировали на вопросы и заявления трудящихся, а вопросы в связи с прекращением процесса возвращения исторических названий постоянно появлялись в печати, то под свои действия власти должны были подвести теоретические основы. Все советские годы в вопросах наименования и переименования городов и улиц власть только наступала и крушила, теперь она была вынуждена перейти к обороне и контрпропаганде. Срочно были выработаны несложные лозунги и, как в прошлые годы, «брошены в массы».

Конечно, руководители, выступавшие со своими возражениями против возвращения исторических названий, знали истинную цену своих доводов, но, как обычно, надеялись на собственное демагогическое мастерство и на неосведомленность народа, в которой они предусмотрительно всегда его держали.

Первым и главным пунктом своих возражений под флагом заботы о благосостоянии москвичей они выставляли экономическую сторону проблемы. На собраниях и в печати они постоянно заявляли, что требуемое возвращение старых названий обойдется народу в сотни тысяч рублей: «Эти деньги ведь мы оторвем от ремонта музеев и библиотек, от спасения шедевров, гниющих в затопленных подвалах, от обучения азам искусства ребят» («Московская правда», 15 декабря 1990 г.). Сайкин любил говорить: «Оторвем от детских садиков» – так получалось еще трогательнее.

Надобно сказать, что подобные утверждения, к тому же исходящие от ответственных лиц, производили на публику желаемое впечатление.

Но дело в том, что подобные широковещательные заявления со слезой были не более чем элементарной демагогией и сознательной ложью. Когда после общих слов и громких сетований приходилось отвечать на конкретный вопрос: «На что же требуются эти огромные средства», то оказывалось, что затраты предстоят на: а) замену уличных указателей названий, б) печатание планов города с новыми названиями, в) печатание различных канцелярских бланков с новыми адресами.

В ряду прочих расходов города эти расходы выглядят очень скромно. Кроме того, руководство, сетуя, как дорого обойдется смена уличных досок с названиями, умалчивало, что менять обветшавшие указатели на новые полагается регулярно, а надпись на них на стойкость не влияет: доска с надписью «улица Разина» и «улица Горького» стоит столько же, сколько «улица Варварка» и «улица Тверская».

То же и с печатанием планов города и канцелярских бланков, которые периодически обновляются.

Поэтому совершенно ясно, что дополнительных экономических затрат возвращение исторических названий не требует.

Второй пункт возвращений – культурно-исторические причины. «Ведь советские названия улиц – тоже история, и мы должны их беречь и хранить, а не переименовывать», – усовещивают противники возвращения исторических названий. Причем надо специально

отметить, что как опытные демагоги они совершают будто бы незначительный, но очень важный подмен слов, заменяя слово «возвращение», соединяемое с понятием законности, правомерности, словом «переименование», которое имеет негативный смысл, потому что говорит о насилии и беззаконии.

Попутно совершается еще одна подмена: стирается разница между старыми названиями, которые действительно представляют собой исторические памятники, и новыми, являющимися элементами пропаганды определенной политической партии. Впрочем, пропаганда тоже факт истории, и новая улица, возникшая на пустом месте, должна называться так, как ее назвали: Новая, Пионерская, Свободы или 4-я улица 8-го Марта. Но противиться возвращению названий, имеющих многовековую историю, – это не забота об истории, а насилие над ней и невежество.

Так что все возражения партийно-советского аппарата в действительности были, как говорится, шиты белыми нитками. Однако все же их пропаганда имела некоторый успех, и нельзя просто отмахнуться от тех москвичей, которые пишут письма в газеты, протестуя против возвращения старых названий улиц, возмущаясь «ненужными огромными затратами», выступают в защиту «оплеываемых» имен борцов за коммунизм. Письма искренние, очень сердитые, не вызывают никакого сомнения в их подлинности. Да, авторы – а это в основном люди старшего поколения: пенсионеры, ветераны партии, ветераны войны и труда – убеждены в своей правоте, но – увы! – не замечают того, что просто повторяют подказанное партийной пропагандой почти слово в слово, оттого-то многие письма так похожи одно на другое, как были похожи «шедшие от сердца» беседы агитаторов, «доносивших до масс» очередное постановление очередного пленума. На них и опирались горкомовские и моссоветовские деятели.

Действительно, среди печатавшихся в газетах писем, посвященных этой проблеме, наряду с письмами читателей, одобряющих возвращение исторических названий, публиковались и письма читателей, возмущенных этим. «Более всех возвращению названия Хамовнический вал будут рады именно туристы-белоэмигранты», – писал один; «Кагановича на вас нет!» – грозил другой по поводу изменения названий станций метро, видимо, намекая на кровавые расправы, которыми прославился шеф строительства метрополитена; третий возражал против названия Воробьевы горы (названы в 1918 году Ленинскими), потому что «В.И. Ленина все знают, и он лучше, чем какой-то там Воробьев», и тому подобное. Правда, о соотношении количества сторонников того и другого мнения достаточно красноречиво свидетельствует опрос, проведенный в январе 1989 года в районе, носящем имя К.Е. Ворошилова – деятеля, как считалось, из наиболее «любимых народом». «Московская правда» опубликовала итоги: за то, чтобы район назывался Ворошиловским, проголосовало 15 процентов жителей, против – 75.

Новый состав Московского Совета, избранный в 1990 году, обнаружил больше понимания проблемы возвращения исторических названий, и 5 ноября этого года президиум Моссовета утвердил первый пакет предложений Комиссии. Но полный список и тогда показался слишком большим и пугающим, поэтому на первый случай его ограничили 27 названиями.

Этот список был опубликован в московских газетах 6—7 ноября, и в эти, традиционно праздничные, дни обратило на себя особое внимание еще совсем недавно совершенно невозможное сообщение: улице 25-го Октября возвращалось ее историческое название – Никольская.

Второй пакет, состоящий из 40 названий, был утвержден в апреле 1992 года, в мае 1993 года – третий, а всего – около 150 названий. В основном возвращались исторические названия в пределах Садового кольца, происхождение и бытование которых насчитывало по несколько веков – Тверская, Покровка, Дмитровка, Маросейка, Якиманка, Пречистенка, Патриаршие пруды, Красные ворота, Варварка и другие. Были возвращены также некоторые

названия за пределами Садового кольца, из числа тех, которые в советское время получили идеологические названия-штампы или носили имена слишком одиозных советских деятелей.

Теперь газеты публиковали гораздо больше откликов, поддерживающих и одобряющих возвращение старых названий. «Предлагаю ... единым распоряжением Моссовета вернуть всем без исключения старым улицам и площадям их исконные исторические названия», – писал композитор Никита Богословский в «Открытом письме новому председателю Моссовета», напечатанном в газете «Московский комсомолец». «Скажу честно, – заявил в интервью наш замечательный артист и общественный деятель Юрий Никулин, – для нашей семьи известие о возвращении старых имен московским достопримечательностям было ... ну, как бальзам на сердце». Люди, поверившие, что возвращение названий требует больших материальных затрат, предлагали помощь: «Мы готовы выделить определенную сумму денег на реализацию этого долгожданного и необходимого дела» (подпись: «семья Виноградовых»).

Можно логически объяснить историческое, филологическое, эстетическое, хозяйственное преимущество старых устойчивых топонимов, в том числе, конечно, и московских, но все эти, безусловно, важные выгоды вряд ли могли бы так взволновать и поднять общество, тем более привлекать к себе внимание в течение столь долгого времени, если бы все дело заключалось только в каких-то выгодах и преимуществах. Разум нашел бы им замену, или же, в конце концов, видя несоразмерность прилагаемых усилий результатам, можно было бы отказаться от дальнейших действий.

На этом этапе не логика, не разум стали главным нервом проблемы, а иррациональное чувство, называемое патриотизмом, которое объединяет народ и в сущности является духовным выражением вложенного во все живое Богом инстинкта самосохранения. Это очень сильное чувство, оно способно совершать чудеса, и даже самые яростные отрицатели и хулители идеи патриотизма, считающие слова патриотизм, патриот чуть ли не ругательными, во время серьезной опасности для себя лично бросаются под его защиту. Так сделал Сталин в войну, к патриотизму народа взывали ораторы-демократы с балкона Белого дома в Москве в дни путча. В народе же чувство патриотизма живо постоянно вне зависимости от моды на него и от надобностей политиков. Из многого соткано чувство патриотизма, в нем столько граней и нитей, сколько в самой жизни, и одна из нитей, из которых плетется народная судьба, как сказал поэт, – «любовь к родному пепелищу», любовь к исконному месту своего обитания, к его исконному имени, данному дедами и прадедами.

В 1990 году «Комсомольская правда» опубликовала обращение академика Д.С. Лихачева к молодежи, в котором он говорит о значении восстановления народных исторических названий для настоящего и будущего.

Большой театр. Театральная площадь. Начало XX века

«Обращаясь к молодым людям, читателям «Комсомольской правды», – пишет Лихачев, – я хотел бы высказать свое отношение к тем событиям, которые затрагивают социальную, идеологическую и культурную стороны современного бытия. Я имею в виду полу-

чившее массовое распространение движение за возвращение исторических названий наших городов и улиц. Мне приходилось неоднократно выступать за возвращение первоимен старинных русских городов Тверь и Нижний Новгород, Самара и Сергиев Посад. Всегда при этом чувствовал горячую поддержку этого благородного дела у нашей молодежи. Мы наконец вернули некоторые из названных мною имен. Другие ждут своего часа. Но разве уже сейчас, после обретения вновь имен Тверь и Нижний Новгород, придет в голову мысль о том, что совершили неправильный поступок? «Возвеселися сердце мое и возрадовался язык», – сказано в одном из древнерусских текстов. Обеднение нашего языка делает его безрадостным. Именно такую безрадостную картину представляют наши названия улиц. Во всех городах и весях один и тот же набор имен, сработанных по одинаковой идеологической модели. Поэтому я всячески приветствую возвращение на карту Москвы имен-памятников: Земляной вал и Моховая, Маросейка и Воздвиженка, Лубянка и Театральная площадь... В них живет история столицы, эти имена станут связующими нитями между прошлым и настоящим. Они станут той частичкой памяти, которая вольется в набирающий силу поток культурного возрождения».

Однако...

Однако у противников возвращения московским улицам исторических названий были иные представления о том, что является историческими и культурными ценностями. Коммунисты предпринимали попытки сохранить хоть что-то из коммунистического пантеона и защищали «светлые имена видных деятелей Октябрьской революции, КПСС», отступая понемногу по мере того, как в печати появлялись сведения, показывающие истинное лицо этих деятелей. Вот характерный фрагмент из статьи, напечатанной в «Московской правде». Автор статьи ратует за то, чтобы «сохранить в Москве название площадь Дзержинского», соглашаясь при этом на возвращение старого названия площади Свердлова: «Дзержинский – это не оголтелый Свердлов... Свердлов не был «рыцарем революции».

К сожалению, и ряд деятелей культуры, преимущественно актеров, находясь под гипнозом советской теории о наградной и «увековечивающей» роли топонимики, выступили с защитой великих имен, «обиженных» возвращением исторических названий. Они обратились с жалобой к тогдашнему министру культуры Е.Ю. Сидорову, и тот 7 июня 1993 года отправил занявшему в то время должность мэра Москвы Ю.М. Лужкову, правительственную телеграмму:

«Глубокоуважаемый Юрий Михайлович!

Министерство культуры Российской Федерации всемерно поддерживает протест группы видных деятелей культуры и искусства России против решения Моссовета об очередном огульном переименовании московских улиц.

Прошу принять все зависящие от вас меры, чтобы не дать свершиться бездумному акту топонимического вандализма, стирающего с карты Москвы славные имена Пушкина, Чехова, Герцена, Станиславского, Качалова, Вахтангова, Хмелева, Собинова.

Надеемся на ваши решительные меры.

Министр культуры России *Е.Ю. Сидоров*».

Почему-то министр принял во внимание мнение одной группы «деятелей культуры» и проигнорировал мнение другой, подменил термин «возвращение» термином прямо противоположным по значению – «переименование» и, что уж совсем недемократично, в заключение призвал руководителя города применить власть и силу в сфере культуры. Все это мы уже видели и испытали в годы тоталитаризма, когда культурой руководили невежество, ложь и грубая сила.

Московское руководство на заявление министра культуры ответило объявлением «о введении моратория на переименование улиц в городе» (имея в виду возвращение исторических названий). Оказалось, что Ю.М. Лужков в принципе противник возвращения исторических названий.

5 октября 1993 года Моссовет был распущен, вместо него создана Городская дума, в нее пришли другие люди, но Ю.М. Лужков остался на своей должности.

В отношении возвращения исторических названий улиц Лужков занял твердую позицию и предложил считать недействительными решения, принятые распущенным Моссоветом. Но оказалось, что юридически изданные Моссоветом постановления имеют законную силу и обязательны к исполнению.

Тогда летом 1994 года Лужков поставил вопрос о возвращенных названиях на заседании московского правительства. Он сказал, что «все эти переименования» «встали поперек горла», что он лично не имеет к ним никакого отношения и призывает правительство своею

властью решить эту проблему, то есть утвердить или отменить решения Моссовета о переименованных улицах.

Мнения в правительстве разделились. Из выступлений за отмену этих решений особенно запомнилось одно: «Когда в молодости мы гуляли по улице Горького, то называли ее Бродвеем. Поэтому я за то, чтобы оставить ей название в честь великого пролетарского писателя Горького». Другой член правительства предложил резолюцию: «Постановления президиума Моссовета отменить. Состав комиссии по переименованиям пересмотреть».

Но несколько человек выступили за утверждение возвращенных названий, причем их мотивация была гораздо логичнее и разумнее, чем у их противников.

В зале наступила неустойчивая напряженность.

Помолчав, Ю.М. Лужков сказал: «Посоветуемся с москвичами, проведем опрос, и тогда будем решать».

Опрос был проведен центром изучения общественного мнения. На главный вопрос: «Вы бы поддержали или не поддержали решение о том, чтобы вернуть старомосковские названия всем улицам историко-культурного центра города (в пределах Садового кольца)?» – ответы распределились так:

Поддержал бы – 58%; Не поддержал бы – 28%; Затрудняюсь ответить – 14%.

25 октября 1994 года Ю.М. Лужков подписал постановление правительства Москвы о возвращении всех исторических названий, принятых Моссоветом в 1991—1993 годах, но оставил мораторий на его продолжение, который действует и в настоящее время.

Отношение мэра к делу возвращения исторических названий московским улицам наиболее четко и полно было сформулировано в преамбуле к постановлению 25 октября 1994 года.

Как недостаток ранее принятых решений Моссовета по этому вопросу в постановлении указывается, что «решения принимались без соответствующей финансовой проработки и согласования с исполнительными органами власти», и отмечаются неудобства, которые изменение городских названий доставляет населению: «Создавшееся положение значительно осложнило для москвичей процессы приватизации жилья, регистрации новых предприятий и организаций, сделки на рынке недвижимости, создало трудности в работе городских организаций, связанных с обслуживанием граждан по месту жительства».

Одновременно, в том же постановлении, говорится и о другой стороне возвращения исторических названий: «Несмотря на указанные недоработки, руководствуясь целями возрождения исторического облика столицы, а также учитывая общественное мнение, поступившие отклики москвичей, правительство Москвы считает нецелесообразным возвращаться к наименованиям, существовавшим до 1990—1993 годов».

К сожалению, как видим, предпочтение отдается не общественному мнению, но рыночным сделкам. Таким образом, процесс возвращения исторических названий московским улицам остался незавершенным.

Во второй половине 1990-х годов Комиссия по наименованиям улиц Москвы работала над законодательством по проблемам городской топонимики. Крайняя важность и настоятельная необходимость такой работы диктовалась тем, что только закон мог защитить функционирование топонимики от произвола различных административных и общественных организаций и лиц.

Первый за все время существования московской топонимики нормативный законодательный документ – закон «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» был принят Московской городской думой и официально в соответствующем порядке утвержден 8 октября 1997 года.

Статья 9 этого закона определяла «Основные требования и правила в области наименований улиц города Москвы». Она была составлена с учетом тех правил, которые были

выработаны московской топонимикой в результате ее исторического опыта и которых следует придерживаться при наименовании новых улиц и других территориальных единиц.

В этой статье сформулированы выводы многолетних исследований москвоведов.

Вот каким должен быть московский топоним, отвечающий требованиям «Закона города Москвы»:

– название улицы независимо от величины именуемого объекта должно содержать информацию об историко-культурном развитии района, города или Российского государства;

– топонимы должны соответствовать особенностям ландшафта города. При их наименовании в качестве основы используются названия населенных пунктов (в том числе деревень, сел, старинных слобод), урочищ, холмов и лесов, рек, ручьев, озер и прудов, вошедших в городскую черту города Москвы;

– топонимы должны отражать наиболее существенные индивидуальные характеристики улицы как объекта наименования. При этом новое название не должно повторяться на карте города;

– название улицы должно органически включаться в существующую городскую топонимическую систему. При наименовании новых улиц не допускается образование топонимов, нарушающих исторически сложившуюся топонимическую систему города Москвы;

– название улицы должно быть мотивированным и заключать в себе необходимый объем топонимической и пространственно-ориентированной информации;

– присвоение улицам имен, фамилий известных жителей города Москвы, граждан России и зарубежных стран может производиться только новым улицам и по истечении не менее десяти лет со дня смерти указанных лиц.

Возвращенные названия

Аминьевское шоссе

Название XV – XVI веков, дано по селу.

Шоссе названо по селу Аминьево, вошедшему в черту города в 1960 году. Впервые село Аминьево упоминается в документах 1570 года – в духовной грамоте, то есть завещании Ивана Грозного, в котором он отказывает это село старшему сыну – царевичу Ивану. Сам факт включения села в завещание говорит о его значительной величине и о том, что оно существует уже достаточно долго, так как села тогда росли медленно.

Свое название Аминьево получило по прозвищу его владельца XIV— XV вв. – боярина, служившего московскому князю Семену Гордому – сыну Ивана Калиты. Об этом боярине известно немного: всего одна запись в летописи, но показывающая его в весьма важных и сложных обстоятельствах.

В 1348 году литовский князь Ольгерд послал своего младшего брата Корьяда в Орду к хану Чанибеку с наветами на московского князя и просил военной помощи для похода на Москву. Князь Семен Гордый, как сообщает летопись, «погадав со своею братиею и с бояры и посла в Орду Федора Глебовича, да Аминя, да Федора Шубачева ко царю (хану) жаловатися на Ольгерда». Для успешного исполнения такого посольства нужны были люди умные и решительные, такими и оказались послы Семена: в результате хан не только отказал литовцам в войске, но и «выдал головой» Корьяда со всей его дружиной московскому князю. Аминь с товарищами привезли литовцев в Москву. А Ольгерд, повествует летопись о финале его коварного замысла, «прислал послы ко Князю Великому за своего брата и за его дружину со многими дары, просяще мира и живота всей братии и многое серебро отложил».

Не вызывает никакого сомнения, что Аминь не имя, а прозвище. Объяснение же, почему в летописи он назван не настоящим своим именем, а прозвищем, может быть одно: значит, оно было так удачно, что выразило самую сущность человека. «Москва всегда славилась прозвищами и кличками своими», – замечал П.А. Вяземский.

Сейчас само слово «прозвище» имеет некоторый отрицательный оттенок, но в Древней Руси оно стояло в одном ряду с именем и в некоторых случаях играло роль почетного титула: Невский, Донской, Храбрый – все это прозвища. Впоследствии прозвища часто становились фамилиями. Скорее всего свое прозвище Аминь боярин получил из-за того, что часто употреблял в речи это слово, оно было его поговоркой. Такой способ образования прозвища достаточно обычен.

Ну а облик человека, поговоркой которого было слово «аминь», тоже достаточно ясен – был он, видимо, решителен и доводил каждое начатое дело до конца. Тот эпизод, о котором рассказывает летопись, подтверждает это.

Прозвище Аминь бытовало на Руси и позже. Академик С.Б. Веселовский в составленном им словаре «Ономастикой. Древнерусские имена, прозвища и фамилии» приводит прозвища братьев дворян Каменских, живших в XVI веке: Иван Аминь и Алексей Обедня.

Фамилия Аминьевы, хотя и нечасто, но встречается на страницах русской истории. Между прочим, их прародителем является легендарный Ратша, который был и прародителем Пушкиных. А.С. Пушкин в стихотворении «Моя родословная» пишет о Ратше, что он «мышцей бранной святому Невскому служил».

Впоследствии село Аминьево сменило многих владельцев. Среди них были царь Иван Грозный, боярин Туренин по прозвищу Жар, знаменитый боярин Морозов – воспитатель

царя Алексея Михайловича (при нем в селе была построена новая церковь), патриархи, но, несмотря на это, все шесть веков оно сохраняло свое первоначальное название.

13 июля 1982 года северный отрезок Аминьевского шоссе был переименован в улицу Сулова. (М.А. Сулов (1902—1982) – государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК КПСС, с 1947 года ведал идеологической работой. Историческое название возвращено в 1994 году.

Андроньевская площадь

Название XIV – XV веков, по монастырю.

Площадь названа по Андроньеву или, вернее, Спасо-Андроникову монастырю, основанному в XIV веке, возле которого она находится.

В середине XIX века историк С.М. Любецкий в работе «Московские старинные и новые гулянья и увеселения» в числе старинных московских гуляний называет гулянье 17 августа у Андроникова монастыря. В отношении большинства гуляний он объясняет повод или причину, послужившие их возникновению: храмовый или иной религиозный праздник, ярмарка, тот или иной старинный народный обычай. Но о некоторых гуляньях Любецкий не сообщает ничего, кроме даты и места, потому что за давностью лет позабылись обстоятельства их возникновения. К ним относится и гулянье у Андроникова монастыря на луговине перед главным входом, где впоследствии, когда подступил к монастырю город, образовалась площадь, получившая название Андроньевской.

Ни из литературы, ни из расспросов знатоков я не смог определенно выяснить причину гулянья у Андроникова монастыря именно в этот день. Но позволю себе в качестве гипотезы предложить собственные соображения.

Монастырь был основан около 1360 года московским митрополитом Алексием, крестником Ивана Калиты, воспитателем Дмитрия Донского, духовным руководителем объединительной политики Московского княжества и его возвышения. Первым игуменом монастыря был ученик Сергия Радонежского Андроник (по нему монастырь и получил свое название).

Большое внимание оказывали монастырю многие замечательные, вошедшие в русскую историю деятели: князь Дмитрий Донской и его сыновья, Иван III, преподобный Сергий Радонежский, иерархи русской церкви, ученые монахи Епифаний Премудрый и Стефан, брат Сергия Радонежского, и немало других. Но среди этого сонма известных и громких имен славу и память в веках монастырю принесло имя художника, который был его монахом, – Андрея Рублева.

Андрей Рублев принадлежал к кругу Сергия Радонежского и свое главное произведение – образ Троицы – написал, как свидетельствует древняя рукопись, «в похвалу отцу своему, святому Сергию чудотворцу». Он проходил послушание у преподобного Никона, которого сам Сергий перед смертью назначил игуменом Троице-Сергиевой Лавры, поэтому в некоторых старинных источниках Андрей Рублев называется Андреем Радонежским.

Еще при жизни Андрей Рублев приобрел славу «чюдного» и «пресловушего» иконописца и великого праведника. Стоглавый собор 1551 года предписывал иконописцам следовать образцам, «как писал Андрей Рублев».

Некоторые источники XV—XVIII веков называют Андрея Рублева святым, но официально он был канонизирован в 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси.

Общее почитание Андрея Рублева в Спасо-Андрониковом монастыре, в котором можно было видеть его иконы и стенные росписи главного храма, обязательно должно было родить среди братии идею отметить память их замечательного собрата.

Праздники в средневековой Руси определялись церковным календарем, поэтому в поисках причины народного празднества под стенами Спасо-Андроникова монастыря 17 августа я, естественно, заглянул в святцы. Однако оказалось, что на этот день никакого собственно монастырского праздника не приходится, то есть не отмечается память святого, во имя которого имеются в монастыре престолы. Но зато именно на 17 августа приходится и – это записано в святцах – память преподобного Алипия Печерского – древнерусского худож-

ника, жившего и трудившегося в Киево-Печерской Лавре в XI веке, единственного художника, причисленного к лику святых.

Андрей Рублев хорошо знал и почитал древнюю православную живопись. Известно, что в московском Успенском соборе были образа работы Алипия, возможно, были они и в Андрониковом монастыре. Троице-Сергиевский игумен старец Спиридон рассказывал, что Андрей Рублев и Даниил Черный во дни отдыха от трудов, когда «живописательству не прилежаху ... на седалищах сидяща и пред собою имуща всечестныя и божественныя иконы и на тех неуклонно зряща, божественныя радости и светлости исполняхуся». Андрей Рублев, конечно, рассказывал братии о древних православных живописцах и прежде всего об Алипии, так что имена и деяния художников в монастыре знали.

Не в память ли о славных живописцах монастырских Данииле и Андрее Рублеве и других членах их артели, имен которых мы не знаем, установлен в Спасо-Андрониковской обители в день памяти преподобного Алипия праздник, смысл которого в последующие века был утрачен, хотя и праздновался по традиции?

В 1919 году Андроньевская площадь была переименована и названа площадью Прямикова в честь Н.Н. Прямикова – рабочего, революционера, председателя военно-революционного комитета Рогожско-Симоновского района, погибшего в 1918 году (До 1922 года ошибочно писали: Пряникова пл.)

Арбат новый улица (см. Новый Арбат улица) Арбатские ворота площадь

Название XVI-XVII веков, по крепостным воротам.

Названа по Арбатским воротам Белого города.

В 1585—1593 годах вокруг разросшегося к тому времени посада Москвы была возведена новая крепостная стена, третье оборонительное кольцо – стена Белого города. Она получила такое название потому, что была сложена из белого камня. Это было мощное и грозное сооружение, производившее и на русских людей, и на иностранцев сильное впечатление.

Секретарь Антиохийского патриарха диакон Павел Алеппский, посетивший Москву со своим принципалом в середине XVII века, оставил подробное описание стен и башен Белого города: «Третья стена города известна под именем Белой стены, ибо она выстроена из больших белых камней... Эту стену он (царь) вывел с южной стороны Кремля по берегу реки и кругом города. Она больше городской стены Алеппо и изумительной постройки, ибо от земли до половины она сделана откосом, а с половины до верху имеет выступ, и потому на нее не действуют пушки. Ее бойницы, в коих находится множество пушек, наклонены книзу, по остроумной выдумке строителей: таких бойниц мы не видавали ни в стенах Антиохии, ни Константинополя, ни Алеппо, ни иных укрепленных городов, коих бойницы идут ровно, (эти же) служат для стрельбы во всякого, кто приблизится к нижней части стены... Конец этой стены доходит до угла второй стены. Таким образом эта Белая стена окружает край города с западной стороны Кремля и большую часть города с востока и севера... В Белой стене более пятнадцати ворот, кои называются по именам различных икон, на них стоящих. Все эти надворотные иконы имеют кругом широкий навес из меди и жести для защиты от дождя и снега. Перед каждой иконой висит фонарь, который опускают и поднимают на веревке по блоку; свечи в нем зажигают стрельцы, стоящие при каждом воротах с ружьями и другим оружием. Во всех воротах имеются по несколько больших и малых пушек на колесах. Каждые ворота не прямые, как ворота Ан-Наср и Киннасрин в Алеппо, а устроены с изгибами и поворотами, затворяются в этом длинном проходе четырьмя дверями и непременно имеют решетчатую железную дверь, которую спускают сверху башни и поднимают посредством ворота. Если бы даже все двери удалось отворить, эту нельзя открыть никаким способом: ее нельзя сломать, а поднять можно только сверху».

Далее Павел Алеппский добавляет, что хотя он видел стены Белого города собственными глазами, но бросал на них взоры украдкой, так как стрельцы крепко наблюдали за прохожими и если заметят, что кто-то слишком пристально смотрит на стену или пушку, тотчас хватают и лишают его жизни. Насчет столь жестокой и быстрой кары, якобы полагающейся в Москве за любопытство, антиохийский диакон явно ошибается, видимо, кто-то из его информаторов подшутил над ним. С другой же стороны, наверное, именно этой выдумке мы обязаны тем, что Павел Алеппский украдкой, но пристально рассмотрел и столь подробно описал стены и башни Белого города: запретное, как известно, привлекает.

Со временем стены Белого города потеряли оборонное значение, их перестали ремонтировать, они разрушались. В 70-е годы XVIII века Екатерина II распорядилась стены снести и на их месте «по примеру чужестранных земель иметь место в середине города для общественного удовольствия, где бы жители оно могли, не отдаляясь от своих домов, употреблять прогуливание», то есть разбить бульвары. Исполнение этого распоряжения растянулось на десятилетия, стены разбирались постепенно. Е.П. Янькова, автор воспоминаний «Рассказы бабушки, записанные ее внуком», рассказывает: «Я застала еще Тверские ворота, Пречистенские, Арбатские... В те времена, когда в Москве было несколько стен городских,

понятно, что нужны были и ворота; потом стены обвалились, их сломали, а ворота оставили, и было очень странно видеть, что ни с того ни с сего вдруг, смотришь, стоят на улице или площади ворота; многие стали ветшать, их и велено было снести... Теперь осталось на память только название».

Названия ворот остались на память, конечно, не потому, что они были разрушены позже стен, а потому что их названия в течение полутора веков до сноса ворот служили удобным обозначением района, да и до сих пор говорят: он живет у Покровских ворот или у Сретенских.

Арбатские ворота

Бульвары были разбиты на месте разобранных стен, места же башен, сквозь ворота которых проходили улицы, стали частью этих улиц. Эти-то перекрестки бульваров с улицами москвичи по старой памяти продолжали называть воротами: Никитские ворота, Пречистенские ворота и так далее. В конце XIX века, когда производилась унификация городских наименований, эти названия приобрели хотя и несколько канцелярскую, но более точную форму: площадь Сретенских ворот, площадь Покровских ворот, а так как фактически здесь никакой площади не было, а был обычный перекресток, то в живой речи, как правило, употреблялось старое название, без добавления слова «площадь».

Площадью Арбатских ворот считался участок в торце Никитского бульвара и небольшая площадка, с которой расходились Арбат и Поварская (сейчас это начало Нового Арбата), то есть лишь часть расстояния между Никитским и Пречистенским бульварами. Таким образом, площадь Арбатских ворот оказалась соседкой более обширной площади, простиравшейся до Знаменки и Малого Афанасьевского переулка, настоящей площади, на которой находились церковь, рынок, кинотеатр, в окружающих домах были магазины, и эта площадь совершенно законно называлась (и называется сейчас) Арбатской. Лет тридцать-сорок назад название «Арбатские ворота» поддерживало название трамвайной остановки, когда же по Бульварному кольцу от Мясницких до Пречистенских ворот сняли трамвайную линию и был пробит Калининский проспект, городские власти сочли ненужным сохранение старинного московского топонима, он исчез с планов города, и все пространство от Никитского до Пречистенского бульвара стало обозначаться как Арбатская площадь.

Таким образом, площадь Арбатские ворота никогда не переименовывалась, она стала жертвой обычной кампании укрупнения и слияния с лишением права иметь имя. Теперь это право ей возвращено.

Архангельский переулоч

Название XVI—XVII веков, по церкви.

Переулоч назван по церкви Архангела Гавриила.

Точная дата основания церкви Архангела Гавриила неизвестна, но поскольку во второй половине XVI – начале XVII веков там, где сейчас проходит Архангельский переулоч, находилась огородная патриаршая слобода, называвшаяся Гаврииловской, можно предположить, что к тому времени церковь уже стояла.

Во второй половине XVII века слободские жители из Белого города были вытеснены, и их земли заняла знать. На участке между Мясницкой улицей и церковью Архангела Гавриила встала усадьба Дмитриевых-Мамоновых, ведущих свой род от Владимира Мономаха. Времена Петра I принесли с собой государственные преобразования и появление новых людей, потеснивших прежнюю знать. В 1699 году усадьбу Дмитриевых-Мамоновых на Мясницкой купил сержант Преображенского полка Александр Данилович Меншиков, человек безродный, любимец и сподвижник царя. Несколько лет спустя он прикупил соседнюю усадьбу стольников Василия и Алексея Федоровичей Салтыковых, построил себе палаты и, разрушив старую церковь, в 1703—1705 годах поставил новую, в виде столпа, увенчанного высоким шпилем. Она была на полторы сажени, то есть на 3 метра, выше колокольни Ивана Великого. Отличалась новая церковь и обликом, необычным для русской церкви: была украшена лепными цветочными гирляндами и картушами, в одном из ярусов находились английские башенные часы с курантами, которые били каждые четверть часа, а один раз в сутки – в полдень – колокольная музыка звучала полчаса. Строителем церкви традиционно считается архитектор Иван Зарудный. Но С.К. Романюк полагает, что, весьма вероятно, этот архитектор наблюдал за строительством как доверенное лицо Меншикова, а проект принадлежал швейцарскому архитектору Джованни Фонтана, который много строил для любимца Петра I. Сейчас невозможно установить долю участия того и другого архитектора, но западное влияние и во внешней отделке, и в интерьере церкви совершенно очевидно. В народе новую церковь Архангела Гавриила прозвали Меншиковой башней, это название сохранилось за ней до настоящего времени.

Проезд с Покровки на Мясницкую мимо церкви Архангела Гавриила в разное время назывался по-разному. В XVII веке – Котельников – по урочищу мастеров, делавших котлы, находившемуся в районе нынешнего Девяткина переулоча, который и начинал собою проезд. Когда здесь поселился А.Д. Меншиков и развернул строительство, переулоч стали называть Меншиковым. После того как в 1730 году он был лишен своих званий и сослан, а его усадьба конфискована и отдана князю Куракину, естественно, появилось название по церкви – Архангело-Гаврииловский переулоч. Для удобства оно сокращалось на первую или вторую часть. В конце XVIII века наиболее употребительным было название Гаврииловский, к середине XIX века окончательно укрепилось название Архангельский.

Название переулоча фактически не менялось в течение двух веков, поддерживаемое постоянным интересом москвичей к Меншиковой башне – церкви Архангела Гавриила, которая время от времени давала обильную пищу московским толкам.

14 июня 1723 года молния ударила в шпиль, церковь загорелась, выгорели перекрытия между ярусами, колокола и часы упали и проломили своды церкви. В Москве этот пожар объясняли наказанием строителю за гордыню, за то, что он захотел построить свою башню выше Ивана Великого; потом говорили, что это было предупреждение высоко поднявшемуся временщику о грядущем падении. (Кстати сказать, в конце века император Павел I издал специальное распоряжение не строить колоколен выше Ивана Великого.)

В 1787 году один из прихожан, масон Гаврила Захарович Измайлов, имевший дом на Мясницкой, отремонтировал храм, причем шпиль был выведен ниже прежнего. С 1792 года бывшую меншиковскую землю казна приобрела для почтамта, и церковь оказалась на его территории. В 1806 году почт-директор Ф.П. Ключарев, также известный масон, член ложи Н.И. Новикова, построил рядом с церковью Архангела Гавриила зимний храм во имя Феодора Стратилата, который стали называть Почтамтским, так как его прихожанами были служащие почтамта, жившие здесь на казенных квартирах. Меншикова же башня то ли еще при Измайлове, то ли при Ключареве была приспособлена для масонских собраний и расписана масонскими символами. Говорили, что из дома Измайлова (он стоял на месте теперешнего магазина «Чай – кофе») в нее вел подземный ход. В 60-е годы XIX века масонская роспись по распоряжению митрополита Филарета была закрашена. Историк Н.П. Розанов, видевший эту роспись, кратко описал ее так: «Внутри храма: под куполом, на задней стене, над окнами изображено Всевидящее око с надписью: «Просветил еси тьму» (все надписи по-латыни. – *В.М.*) с левой стороны окна – круг с надписью: «Без конца»; с правой стороны, у столпа – крест и якорь с надписью: «Надеждою и мужеством»; на южной стене, над окнами – св. чаша с надписью: «Искупление мира»; с левой стороны, к алтарю – крест с терновым венцом, надпись на нем: «Наше спасение»; с правой стороны, к хорам – жертвенник с курящимся фимиамом, надпись: «Покаяние»; на северной стороне, над окнами – агнец с хоругвию, в середине коей крест, с надписью: «Вземляй грехи». Внутри алтаря, с левой стороны, изображен летящий орел и смотрящий на солнце, надпись: «Доблестию отцов»; ближе к жертвеннику изображены: корона наверху столпа, утвержденного в четвероугольном пьедестале, с надписью: «Утверждена на славе»; растущее лавровое дерево, с надписью: «При помощи Божией». Против престола, на горнем месте, под ликом Господа Саваофа, изображено лучезарное солнце, освещающее долины и холмы, с надписью: «Не для себя, но для вселенной». Всех таких эмблем с надписями до 15». В 30-е годы XX в. храм был закрыт, богослужение возобновлено в 1947 г. В 40-е годы в нем еще сохранялись остатки масонской росписи.

В 1924 г. Архангельский переулок был переименован в Телеграфный «по близости его к Центральному телеграфу», который тогда занимал здание на углу Мясницкой и Чистопрудного бульвара, а в 1929 г. был переведен на Тверскую улицу в специально выстроенное для него здание, где находится и сейчас.

Афанасьевский Большой переулок

Название XVI—XVII веков, по церкви.

Переулок назван по церкви святителей Афанасия и Кирилла Александрийских на Сивцевом Вражке.

Первоначальный храм известен с XVI века, каменный воздвигнут в конце XVII – начале XVIII веков.

Известно, что в 1681 году главным престолом церкви был престол Спаса Нерукотворного, а престол Афанасия и Кирилла значился приделом. Но так как за храмом издавна укрепилось название по этому приделу, можно предположить, что первоначальный деревянный храм был поставлен во имя этих святителей.

В 1812 году храм был разрушен, в 1815 году восстанавливался на средства полковничьей дочери П.П. Юшковой – старинной жительницы переулка (в середине XVIII века часть переулка носила название Юшков), в XIX веке не раз перестраивался, причем в 1837 году сооружен новый придел святителей Афанасия и Кирилла. Храм был закрыт в 1932 году, колокольня снесена, в его помещении находились мастерские. В апреле 1992 года храм возвращен патриархии.

Сивцев Вражек

В 1960 году Большой Афанасьевский переулок был переименован в улицу Мясковского. Известный композитор Н.Я. Мясковский (1881 – 1950) жил в соседнем переулке – Сивцевом Вражке, дом 4, где установлена мемориальная доска.

Басманная Старая площадь

Название XVII века, по слободе.

Улица названа по Басманной слободе.

В дворцовой Басманной слободе пекари-басманники выпекали басманы – определенного веса хлеба, которые поставлялись во дворец, а также раздавались государственным служащим, послам и другим лицам, которым полагалось казенное хлебное довольствие.

Хлебы-басманы при выпечке получали особое рельефное клеймо, аналогичное пряничному (отчего пряники назывались печатными). «Басма» слово татарское и обозначает рельефный оттиск на металле или коже.

Старая Басманная. Церковь Великомученика Никиты. 1883 г.

Таким образом, хлеб-басман отличался двумя признаками: клеймом-басмой и определенным весом. Слово «басман» ушло из современного языка, зато сохранилось однокоренное с ним «безмен» – название весов. Именно на таких весах развешивали старинные пекари свою продукцию. Безмен считался очень точным прибором, о нем даже загадка была: «Кто не крещен, не рожден, а правдой живет?»

В 1918 году Старую Басманную переименовали в улицу имени Коммуны; поскольку такое же название дали улицам и в других районах города, в 1919 году это название заменили на другое – Марксова улица, в 1938 году и это название поправили, и до 1994 года она называлась улицей Карла Маркса.

Биржевая площадь

Название первой половины XIX века, по зданию купеческой биржи.

Прежде площадь называлась Карунинской, так как в середине XVIII века здесь находилась латунная фабрика первой гильдии купца Ивана Федоровича Карунина, поэтому иногда и на более поздних планах площадь обозначена как Карунинская, в живой же речи ее называли только Биржевой. Происхождение названия нашло отражение в документах и мемуарах.

После Отечественной войны 1812 года в экономической и общественной жизни Москвы все более значительное место стало занимать купечество. Московская «промышленность», как называли тогда фабричную, торговую и иную экономическую деятельность, требовала для своего упорядочения организации финансовых отношений, и тогда возникла идея купеческой биржи – где могли бы сходиться купцы для заключения взаимных сделок. В начале XIX века подобные купеческие сходки стихийно возникали на торговой Ильинке возле Гостиного двора. В 1835 году здесь построили специальное здание Биржи. Современное здание построено в 1870-е годы архитектором А.С. Каминским. Председателями Биржевого комитета в разное время были известные и авторитетные купцы В.А. Куманин, Т.С. Морозов, Н.А. Найденов и другие, оставившие по себе память не только как предприниматели, но и как меценаты, деятели городского управления.

Московское купечество не сразу приняло цивилизованную Биржу и еще долго предпочитало собираться на улице, а не в «биржевой зале». На гравюре 1840-х годов это и изображено: Биржа уже построена, а купцы толпятся перед ней.

В 1935 году площадь была переименована в площадь Куйбышева.

Богоявленский переулок

Название XIII—XIV веков, по монастырю.

Переулок назван по Богоявленскому монастырю.

Богоявленский – самый старый из московских монастырей был основан в 1296 году первым московским князем Даниилом Александровичем. Сначала обитель была деревянной. Иван Калита повелел возвести в монастыре каменный храм. Одним из первых игуменов монастыря был старший брат Сергия Радонежского Стефан.

В 20-е годы XX века монастырь был закрыт, часть его строений снесена. В его главном храме в разное время находились склад, общежитие, затем производственный цех.

В мае 1991 года собор возвращен Церкви.

В настоящее время собор и палаты XVIII—XIX веков, признанные памятниками архитектуры и находящиеся на государственной охране, реставрируются.

В 1930 году Богоявленский переулок был переименован в Блюхеровский в честь советского военачальника В.К. Блюхера (1890—1938) после того, как тот был репрессирован и расстрелян, назван Куйбышевским проездом по соседней улице Ильинке, переименованной к тому времени в улицу Куйбышева.

Болотная площадь

Название XIV века.

Название Болото известно в числе самых старинных московских названий. Низменный, заболоченный луг напротив Кремля был рано освоен, там находились великокняжеские и монастырские сады и огороды. Одновременно эта местность приобретала характер общественной народной посадской площади, на ней появился рынок.

В XV—XVII веках Болотная площадь была также местом народных развлечений и кулачных боев. На ней, как это издревле повелось на торговых площадях, происходило публичное наказание преступников и даже проводились смертные казни. Так, в 1691 году «был сожжен на Болоте Андрюшка Ильин Безобразов за умысел на Государево здоровье». Последняя публичная смертная казнь на Болотной площади состоялась 10 января 1775 года: тогда здесь был казнен Е. И. Пугачев.

Болотная площадь. Рынок

В XIX веке площадь превратилась в большой торговый центр, были построены каменные лавки, склады, лабазы, так что иногда ее называли Лабазной. Свою торговую славу Болотная площадь сохраняла до первых послереволюционных лет. Особенно славился постный торг на Болотной площади. В воспоминаниях о дореволюционной Москве мемуаристы много и подробно пишут о торговле на ней во время постов, перечисляя такую снедь, о которой мы и слыхом не слыхивали.

В 1962 году Болотная площадь была переименована в площадь Репина. И.Е. Репин (1844—1930) – великий русский художник.

В сквере на площади в 1958 году установлен памятник И.Е. Репину (скульптор М.Г. Манизер).

Болотная улица

Название XVIII века.

Улица названа по Болотной площади, от которой она идет до Малого Москворецкого моста построенного через Водоотводный канал.

Настоящий свой вид – набережной – она приобрела в конце XVIII века после проведения Водоотводного канала, но сохранила свое прежнее название улицы, хотя и застроенной с одной стороны.

Во время великопостного торга на Болотной площади рынок распространялся и на Болотную улицу. Здесь торговали преимущественно грибами. Автор многих работ, посвященных старой Москве, известный художник-гравер И.Н. Павлов изобразил Болотную улицу на гравюре «Грибной рынок на Канаве». (Канавы – народное название Водоотводного канала).

В 1960 году Болотная улица была переименована в улицу Татьяны Макаровой.

Татьяна Петровна Макарова (1920—1944) – летчица гвардейского женского полка ночных бомбардировщиков, совершила более 600 боевых ночных полетов, Герой Советского Союза, погибла в 1944 году.

Жила на Болотной улице в доме 16.

В 2005 году название Улица Татьяны Макаровой получила новая улица в Восточном административном округе.

Борисоглебский переулок

Название XVI—XVII веков.

Переулок назван по церкви.

Борисоглебская церковь на Поварской улице была построена в 1686—1690 годах на месте прежде существовавшей. Сто лет спустя, в 1799 году, ее перестроили на средства, пожертвованные ее прихожанином генерал-майором П.Н. Жеребцовым. Пожертвованная сумма по тем временам была велика – двадцать пять тысяч, что позволило расширить храм, вывести выше купол, поставить мощную ампирическую колоннаду при входе – церковь стала настоящим украшением улицы. Тогда же не имевший названия проезд мимо церкви от Хлебного переулочка к Поварской с продолжением на другой стороне Поварской получил название Борисоглебского переулочка.

Церковь снесена в 1936 году. В 1962 году Борисоглебский переулок был переименован в улицу Писемского, так как здесь жил известный писатель А.Ф. Писемский (1821—1881).

В 70-е годы новое название переулочка, не успев укрепиться, стало энергично вытесняться прежним.

Многочисленные поклонники поэзии Марины Цветаевой, узнав, что на улице Писемского сохранился дом, в котором жила поэтесса с лета 1914 до весны 1922 года, превратили его в место паломничества. Сюда приходили днем и ночью, сидели на лестнице, читали стихи Цветаевой и других поэтов, исписывали и изрисовывали стены. Сама Марина Цветаева называла этот дом не иначе как «дом в Борисоглебском», поэтому так же называли его и ее почитатели.

«Дом в Борисоглебском» занимает большое место в биографии и творчестве Марины Цветаевой, здесь она пережила счастье и трагедии, здесь созданы многие наиболее значительные в ее наследии произведения.

Марина Цветаева чувствовала к этой квартире какую-то особую, мистическую близость. Сняв ее, она, как вспоминает ее сестра Анастасия Ивановна Цветаева, так рассказывала ей о «доме в Борисоглебском»: «– Ася, нашла! Нет, нашла уж по-настоящему! Вот это будет мой дом! Это тебе понравится! Знаешь где? Борисоглебский переулок на Поварской... Входишь. Передняя какой-то странной формы, вся из углов, потому что одна дверь впереди, одна как-то наискось, стеклянная. Справа – темный коридор. Потолок высоко... на этом месте все начинается! Дверь открывается – вы в комнате с потолочным окном – сразу волшебное! Справа камин. И больше ничего нет. Я так вдруг обрадовалась... Это – серьезно. Я уже в этой комнате почувствовала, что это – мой дом! Понимаешь? Совсем ни на что не похож. Кто здесь мог жить? Только я!»

Брюсов переулок

Название XVIII века.

Назван по домовладельцу.

В 30-е годы XVIII века владельцем усадьбы и дома на углу Большой Никитской и переулка, называвшегося Воскресенским и Вражским по церкви Воскресения на Вражке (то есть у оврага), становится граф Александр Романович Брюс – племянник и наследник знаменитого сподвижника Петра I Я.В. Брюса. Во владении Брюсов дом-дворец находился почти сто лет, и за это время за переулком укрепилось название Брюсов (на некоторых планах Москвы обозначен как Брюсовский) переулок.

В 1962 году Брюсов переулок переименован в улицу Неждановой. А.В. Нежданова (1873—1950) – певица, народная артистка СССР, жила в этом переулке в доме 7, на котором имеется мемориальная доска.

Брюсов переулок в сторону Тверской

Кроме А.В. Неждановой в этом же переулке жили и другие известные артисты: Н.С. Голованов, М.П. Максакова, А.С. Пирогов, Н.С. Ханаев, Н.А. Обухова, Е.К. Катульская, А.Ш. Мелик-Пашаев, В.И. Качалов, И.М. Москвин, Л.М. Леонидов, Е.В. Гельцер, В.Э. Мейерхольд, И.Н. Берсенев, В.Д. Тихомиров, А.П. Кторов, М.Т. Семенова, И.С. Козловский, В.В. Кригер, С.В. Гиацинтова. В память ряда из них на домах, в которых они жили, установлены мемориальные доски.

Варварка улица

Название XV—XVI веков.

Улица названа по церкви.

Варварка – одна из самых древних и известных московских улиц. Известно, что каменная церковь Святой Варвары великомученицы была здесь построена в 1514 году зодчим Алевизом Новым; ныне стоящая церковь – замечательный образец русского классицизма – возведена по проекту М.Ф. Казакова в 1796—1801 годах на месте Алевизовой. Но поскольку в одной из летописных записей середины XV века эта улица упоминается как Варьская, то, видимо, и до Алевизовой тут находилась церковь во имя этой же святой.

Возникла улица как дорога по бровке холма над Москвой-рекой, ведущая из Кремля на Владимирскую, Рязанскую, Коломенскую дороги. В посаде на Варварской улице селилась знать, память об этом – нынешний музей «Палаты бояр Романовых», и в то же время это был торговый район, в котором обитала беднота, куда сходились люди со всей Москвы, и в рядах и лавках которого продавалось все – от грошового пирожка с требухой до тысячерублевого алмаза. С рассвета до темной ночи кипела на Варварке жизнь.

Аполлинарий Михайлович Васнецов не раз изображал перекрестки – крестцы этой улицы на своих картинах. В очерке «Облик старой Москвы» он дает литературный комментарий к этим картинам: «За грош, за два здесь был сыт обыватель. В Китай-городе – кружала, харчевни, погреба в Гостином дворе с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных кувшинах и кружках. Тут же брадобреи и стригуны для желающих, прямо на открытом воздухе занимавшиеся своим ремеслом... Здесь же, на крестцах, перекрестках улиц, неожиданно раздавшийся вопль и причитания о покойнике говорили о том, что родственники узнали в выставленном божедوماми покойнике своего сродника... Здесь же зазывали прохожих в кружала и притоны словоохотливые веселые женщины с бирюзовыми колечками во рту. Слышен был плач детей-подкидышей, вынесенных сюда в корзинах все теми же божедوماми, собирающими добровольные приношения на их пропитание... Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домрами... Раздастся оглушительный перезвон колоколов на низкой деревянной колокольне на столбах... Склоняются головы и спины перед проносимой чтимой чудотворной иконой... Разольется захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников... Гремят цепи выведенных сюда для сбора подаяния колодников... Крик юродивого, песня калик перехожих... Смерть, любовь, рождение, стоны и смех, драма и комедия – все завязалось неразрывным непонятым узлом и живет вместе, как проявление своеобразного уклада жизни средневекового народного города».

Неудивительно, что название Варварки – народной улицы – оставило след в фольклоре: широко известная песня, в которой рассказывается, как «по улице Варваринской» бежит «мужик камаринский»; до революции был довольно распространен городской романс, начинавшийся словами: «Шел я улицей Варваркою со знакомою кухаркою». Московская устаревшая поговорка «к Варваре на расправу» также связана с этой улицей: в XVII веке возле церкви Варвары находился судебный приказ, попасть в который москвичи, особенно бедняки, очень боялись.

В XVII веке была сделана попытка называть улицу Знаменской и Большой Покровкой по Знаменскому монастырю и церкви Покрова Божией Матери на Псковской горе, но названия не привились. Улица Варварка в 1933 году была переименована в улицу Разина в честь С.Т. Разина – вождя крестьянского восстания 1670—1671 годов.

Варварские ворота площадь

Название XVI века.

Площадь названа по Варварской башне Китай-города. Внешняя площадь перед Варварскими воротами образовалась давно, еще до постройки Китайгородской стены, когда Дмитрий Донской по возвращении с Куликовской битвы поставил здесь деревянный храм Всех святых в память погибших на Куликовом поле.

Варварские ворота

Когда же в 1530-е годы была построена Китайгородская стена с проездной башней – Варварскими воротами, то площадь получила по ним свое название. Кроме того, что по площади через Варварские ворота пролегалла многолюдная дорога, башня была известна по преданию, что в ней обитал любимый и почитаемый москвичами юродивый Василий Блаженный. Над воротами со стороны Варварки была укреплена икона Василию Блаженного, а со стороны площади – икона Боголюбской Богоматери.

Одновременно с названием площади Варварские ворота бытовало и название Варварская площадь.

В 1924 году Варварская площадь была переименована в площадь Ногина. В.П. Ногин (1878—1924) – старый большевик, ленинец.

В 1992 году часть Варварской площади, примыкающая к памятнику Кириллу и Мефодию – первоучителям славянским, названа Славянской.

Башня Варварские ворота была снесена в 1930-е годы. Сейчас в подземном переходе из метро на Варварку можно видеть нижние камни основания башни.

Ветошный переулок

Название XVII века.

Переулок назван по одному из старинных торговых рядов Большого торгового, занимавшего нынешнюю Красную площадь и окрестные переулки.

Ветошный ряд Верхних торговых рядов за нынешним ГУМом известен с XVII века; через него был сквозной проход с Ильинки на Никольскую, но он не считался ни улицей, ни переулком. В 1888 году Московская городская дума постановила преобразовать его в городской проезд, о чем было принято решение. Назвали его Ветошная улица, но название с окончанием женского рода не прижилось, да и на улицу, по представлениям москвичей, он не тянул, и скоро Ветошная улица превратилась в более привычный для уха москвича Ветошный переулок.

У П.В. Сытина и в последующей литературе утверждается, что в XVIII веке здесь были лавки, продававшие старье – ветошь. Однако это не так. В XVI—XVII веках ветошью назывался также сорт ткани с редкой основой, употреблявшейся на легкую одежду, она использовалась как приклад для верхней одежды и в других целях. В «Бумагах Петра I» приведен счет 1689 года, в котором говорится, что куплено для него «тридцать ветошек рубашечных добрых, дано рубль, 16 алтын, 4 денежки», в 1634 году для патриарха Иосафа к шубе «на настилки пошло две ветошки – гривна»; как можно убедиться, цены на ветошь были высокие, да и покупатели не такие, чтобы носить старье.

В 1957 году Ветошный переулок переименован в проезд Сапунова. Е.Н. Сапунов (1887—1917) – солдат, командир отряда двинцев, смертельно раненный в бою на Красной площади 27 октября 1917 года.

Васильевский малый переулок

Название XVII века.

Переулок назван по церкви.

Арбатско-Пречистенские переулки, Малый и Большой Власьевские, Староконюшенный, Гагаринский и другие только в конце XVII – начале XVIII веков стали аристократическим районом. До этого здесь находились царские конюшни и размещалась слобода конюхов, а еще раньше были выпасы для домашнего скота, в частности коз, что и отразилось в названии сохранившейся до наших дней церкви Священномученика Власия: в старинных документах она значится как церковь Власия на Козьем болоте, в более поздних – Власия, что в Старой Конюшенной. Нынешнее здание церкви построено в конце XVII века, перестраивалось в XVIII и XIX веках.

Святой Власий – епископ Севастийский, живший в III— IV веках, от гонений на христиан скрылся в пустыню, в горы Аргоса, но преследователи выследили его, жестоко мучили и, так как он отказался отречься от Христа, обезглавили. Предание рассказывает, что, живя в пустыне, он благословлял и исцелял «зверей пустынных».

На Руси святой Власий издавна считался покровителем домашних животных. В сознании народа по созвучию имен его образ сливается с образом славянского бога Велеса – «скотьего бога», и народные обряды в день памяти Севастийского епископа (11 февраля) соединили в себе христианские верования и языческий обычай: в этот день скотину кормят хлебом и поят крещенской водой.

В 1960 году Малый Власьевский переулок был переименован в улицу Танеевых в честь братьев: В.И. Танеева (1840—1921) – адвоката, общественного деятеля, марксиста, и С.И. Танеева (1856— 1915) – композитора; последний жил в этом переулке.

Воздвиженка улица

Название XV века.

Улица названа по монастырю Воздвижения Честного Креста Господня, называвшегося также Крестовоздвиженским и просто Воздвиженским.

Воздвиженский монастырь основан в 1450 году, в 1812 году был razорен и разграблен, в 1814-м – упразднен, а его храм обращен в приходскую церковь, известную под названием Крестовоздвиженской.

В XV—XVI веках именно эта местность называлась Арбатом, и лишь позже это название было распространено на продолжение улицы за стеной Белого города – на современную улицу Арбат.

В конце XVII века царь Алексей Михайлович повелел называть улицу Арбат Смоленской, так как она вела к церкви Божией Матери Смоленской. Однако новое название москвичи не приняли, скорее всего потому, что церковь Смоленской Божией Матери находилась очень далеко, за земляным городом на Плющихе, и никак не связывалась непосредственно с самой улицей.

Некоторое время спустя Арбат за стеной Белого города вернул себе и сохранил до нынешних времен название Арбат, а в начальной своей части от Манежной улицы до площади Арбатских ворот, утратив древнее название Арбат, стал называться улицей Воздвиженской или Воздвиженкой по находящемуся на этой же улице Воздвиженскому монастырю. Возможно, что это название в народе бытовало и до указа Алексея Михайловича, а указ только помог его окончательному утверждению. Первые годы существования монастыря в XV веке произошло событие, предание о котором сохранялось долгие века.

Воздвиженка

Воздвиженский монастырь основал боярин Владимир Григорьевич Ховрин и сам принял постриг в нем. Во время одного из татарских набегов на Москву, когда князь заперся в Кремле, осажденном ханскими войсками, а татары разоряли посад и пригороды, Ховрин, бывший до монашества храбрым воином, вооружил монастырскую братию и ударил по врагам.

Не ожидавшие нападения татары дрогнули и побежали.

Отряд Ховрина вместе с воинами воеводы Юрия Патрикеевича бросились вдогонку за неприятелем, отбили у него взятых в плен москвичей и с победой вернулись с ними в город.

В 1930 году Воздвиженку переименовали в улицу Коминтерна, так как на ней находился Исполком Коминтерна, в 1946 году она была переименована в улицу Калинина – в память М.И. Калинина (1875—1946) – председателя Верховного Совета СССР, так как в доме 4/7 по этой улице помещалась его приемная; с 1963 года улица стала частью проспекта Калинина.

Вознесенский переулок

Название XVII века.

Переулок назван по церкви Вознесения Господня на Большой Никитской, известной также как Малое Вознесение.

Деревянный храм Вознесения на этом месте известен с начала XVI века, каменный построен в 1584 году царем Федором Иоанновичем в память его венчания на царство, и с этого времени два века переулок назывался Вознесенским.

В 1782 году главнокомандующим (губернатором) Москвы был назначен граф Захар Григорьевич Чернышев (1722—1784) – генерал-фельдмаршал, известный полководец, в Семилетнюю войну в 1760 году его армия взяла Берлин.

Новый московский главнокомандующий поселился в своей усадьбе на Тверской улице, для него был выстроен дом-дворец, ставший резиденцией московских генерал-губернаторов, а после революции занятый Моссоветом.

В первые годы XIX века Вознесенский переулок, на углу которого с Тверской улицей находился генерал-губернаторский дворец, стали называть Чернышевским, и это название он носил до 1922 года, когда был переименован в улицу Станкевича в память Н.В. Станкевича (1813— 1840) – литератора, главы литературно-философского кружка 30-х годов XIX века, который бывал в этом переулке у брата в принадлежавшем тому доме № 6.

Воробьевы горы

Название XV века.

Названы по селу.

Воробьевы горы – это старинное московское урочище – высокий правый берег Москвы-реки от устья Сетуни до Андреевского моста, обрывисто возвышающийся над рекой на 80—100 метров, и прилегающая к нему довольно обширная местность между нынешней Воробьевской набережной и Воробьевским шоссе, отдельные участки которого были переименованы в 1939 году в Мосфильмовскую улицу и в 1981 году в улицу Косыгина. Прежде на этой территории располагалось село Воробьево и несколько деревень.

Воробьевы горы получили название по этому селу. Первое письменное упоминание о нем содержится в датированном 1451 годом завещании великой княгини Софьи Витовны – жены великого князя московского Василия I (сына Дмитрия Донского), княгиня завещала внуку Юрию: «А из Московских сел даю ему свой прикуп (то есть не родовое имение, а личное, прикупленное, которым княгиня могла распоряжаться, как хотела – *В.М.*) село поповское Воробьево и с Семеновским и с деревнями».

Село Воробьево возникло, видимо, намного раньше, прежде чем стало великокняжеским имением.

Из текста завещания следует, что Воробьево было «поповским», то есть церковным владением, а про церковь села Воробьева храм Живоначальной Троицы (нынешний сохранившийся каменный храм постройки 1811 года) в старинном ее описании сказано, что стояла она в селе «с незапамятных времен».

Поселения на Руси обычно получали свое название по имени основателя или владельца, так что, скорее всего, тем или другим «поповского» села Воробьева был в незапамятные времена поп по прозвищу Воробей.

Академик СБ. Веселовский, занимавшийся исследованием древнерусских имен, прозвищ и фамилий, сообщает, что это прозвище «было очень распространено в XV—XVII веках».

После приобретения села Воробьева Софьей Витовной оно до конца XVIII века оставалось во владении московских великих князей, затем царей. Здесь находились летние дворцы Ивана III, Ивана Грозного, царя Алексея Михайловича, Екатерины II. В начале XIX века на Воробьевых горах планировали возвести Храм Христа Спасителя – обетный храм в память победы в Отечественной войне 1812 года, даже было начато строительство, но затем строительство было перенесено на другое место – ближе к центру города.

С Воробьевыми горами связаны многие исторические события, но особую известность они получили в связи с тем, что с них открывается замечательный по своей красоте и величю вид на Москву.

Н.М. Карамзин писал, что с этим видом «ничто не может сравниться». Ради него на Воробьевы горы приезжала императрица Екатерина II, что и было отмечено в камер-фурьерском журнале.

С этого времени взглянуть на Москву с Воробьевых гор стало такой же необходимой частью путешествия по достопримечательностям столицы, как посещение Кремля.

Известный писатель пушкинской эпохи М.Н. Загоскин, автор замечательной книги «Москва и москвичи» (название которой позже позаимствовал В.А. Гиляровский) выработал свой метод показа столицы гостям. «Вы не можете себе представить, как я забочусь о том, чтоб показать Москву с самой выгодной для нее стороны; как стараюсь соблюдать эту необходимую постепенность, посредством которой возбуждается сначала внимание, а потом любопытство, а там удивление и, наконец, полный восторг».

Однажды Загоскин повез писателя-петербуржца И.И. Панаева на Воробьевы горы, Панаев описал эту поездку.

«Въезжая на Воробьевы горы, я было оглянулся назад.

– Нет, нет – не оглядывайтесь, – воскликнул Загоскин, – мы сейчас доедем до того места, с которого надо смотреть на Москву.

Минут через десять мы остановились. Загоскин /.../ повел меня к дереву, одиноко стоявшему на горе.

– Ложитесь под это дерево, – сказал он мне, – и смотрите теперь, смотрите! Отсюда лучший вид.

Я повиновался и начал смотреть. Действительно, картина была великолепная. Вся разметававшаяся Москва, со своими бесчисленными колокольнями и садами, представлялась отсюда озаренная солнцем. Загоскин лег возле меня, протер свои очки и долго смотрел на свой родной город с умилением, доходившим до слез.

– Ну, что... что скажете, милый, – произнес он взволнованным голосом, – какова наша Белокаменная-то с золотыми маковками? Ведь нигде на свете нет такого вида. Шевырев говорил, что Рим походит немного на Москву, – может быть, но это все не то!.. Смотри, смотри! Ну, Бога ради, как же настоящему-то русскому человеку не любить Москвы?.. Иван-то Великий как высится...

Господи... Вон направо-то Симонов монастырь, вон глава Донского монастыря влево...

Загоскин снял очки, вытер слезы, наворачившиеся у него на глаза, схватил меня за руку и сказал:

– Ну, что, бьется ли твое русское сердце при этой картине?

В экстазе он начал говорить мне «ты».

Чудный летний вечер, энтузиазм Загоскина, великолепная картина, которая была перед моими глазами, заунывная русская песня, несшаяся откуда-то, – все это сильно подействовало на меня.

– Благодарю вас, – сказал я Загоскину, – я никогда не забуду этот вечер».

В 1826 году юные Герцен и Огарев произнесли свою знаменитую «клятву на Воробьевых горах». Герцен описал этот эпизод в «Былом и думах».

«Запахавшись и покрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и вдруг, обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу. Сцена эта может показаться очень натянутой, очень театральной, а между тем через двадцать шесть лет я тронут до слез, вспоминая ее, она была свято искренна...»

Глубоко и многозначительно высказывание А.П. Чехова о Воробьевых горах: «Кто хочет понять Россию, должен посмотреть отсюда на Москву».

Царский павильон на Воробьевых горах. Конец XIX века

С начала XX века Воробьевы горы становятся любимым местом прогулок москвичей.

На бровке обрыва был построен ресторан с видом на реку; местные жители устраивали возле своих изб «садоочки» – ставили несколько столиков на свежем воздухе, подавали гуляющим пиво, чай и нехитрую закуску.

Назначенный в 1919 году начальником Всевобуча – всеобщего военного обучения молодежи для подготовки к военной службе, один из организаторов Красной армии командарм Н.И. Подвойский предложил использовать Воробьевы горы для спортивных занятий и соревнований. Его проект в духе того времени приобрел грандиозные масштабы. Было решено преобразовать Воробьевы горы в спортивный город – со стадионами, закрытыми тренировочными залами, с культурными учреждениями – театрами, библиотеками, медицинскими учреждениями. Центром этого города должен был стать стадион на 40 тысяч зрителей. Название всему комплексу было придумано также соответствующее духу времени: «Красный международный стадион имени Ленина».

В 1920 году на Воробьевых горах состоялась торжественная закладка стадиона и спортивный праздник. В дальнейшем спортивные соревнования, обычно приуроченные к разным советским праздникам, устраивались тут более или менее регулярно.

Н.И. Подвойский, как повествует предание, утверждая афишу очередных соревнований, однажды исправил в адресе места их проведения «Воробьевы горы» на «Ленинские».

Стадион не был построен, в середине 1920-х годов прекратились спортивные праздники на Воробьевых горах, и они опять стали местом гулянья «неорганизованной» публики.

Однако название «Ленинские горы», придуманное Подвойским, получило в Москве распространение, его подхватили газеты.

В 1924 году известный краевед А.Ф. Родин в путеводителе «Воробьевы горы и их окрестности», обосновывая употребление им традиционного названия, писал: «Ввиду разноречивых теперь наименований Воробьевых гор, как то: Ленинские, Красный международный стадион и т.п., приводим справку по переименованию улиц при Московском Совете от 30 мая 1924 г.: «Воробьевы горы не переименованы, и вопрос об их переименовании в Комиссии не возникал».

Не «возникал» вопрос и позже, но непереименованные Воробьевы горы продолжали называть и Ленинскими и Воробьевыми.

Название «Ленинские горы» приобрело перевес и стало популярнее после 1949 года, когда началось строительство нового высотного здания Московского университета. Эта стройка сопровождалась грандиозной пропагандистской кампанией. Тогда появилась песня Ю. Милютина на стихи Е. Долматовского о строительстве нового университета, передававшаяся по радио по нескольку раз в день, в которой рефреном звучало название «Ленинские горы». Друзья, люблю я Ленинские горы, Там хорошо рассвет встречать вдвоем:

Видны Москвы чудесные просторы
С крутых высот на много верст кругом...

Пока шла стройка, пели:

Сейчас пустыньны Ленинские горы,
Но флаги стройки выются на ветру...

Когда, в 1953 году, была завершена первая очередь строительства, стали петь:

Вы стали выше, Ленинские горы,
Здесь корпуса стоят, как на смотрю...

За новым университетом укрепилось официальное название Московский университет на Ленинских горах.

В 1959 году новой станции метро дали название «Ленинские горы» на основании того, что она находится на Ленинских горах.

В 1989 году станция была закрыта на капитальный ремонт, который продолжился десять лет. За это время под влиянием массового возвращения в Москве исторических топонимов в живой московской речи почти пропало название Ленинские горы, но стало употребляться Воробьевы. Поэтому при открытии станции после ремонта, в 1999 году, было принято решение о ее переименовании в станцию «Воробьевы горы».

На Комиссии по переименованиям улиц в связи с переименованием станции метро возник вопрос и о названии самой местности – Воробьевых гор. Но поскольку не существовало официального документа о присвоении горам имени Ленина, то естественно Комиссия по наименованиям улиц не могла принять решение и об его отмене, поэтому название Воробьевы горы не попало в перечень постановления правительства Москвы от 25 октября 1994 года, сообщающего об официальном возвращении московских исторических названий.

История с названием Воробьевы горы по сути своей самое настоящее возвращение исторического московского названия, но произведенное не постановлением правительства Москвы, а народом.

Воронцово поле улица

Название XIV—XV веков.

Улица названа по старинному урочищу Воронцово поле.

В XIV веке здешние места принадлежали роду знатных бояр Воронцовых-Вельяминовых, и на берегу Яузы, тогда чистой и полноводной, стояло их село Воронцове, или Воронцовское. После того как Иван Воронцов-Вельяминов, изменив московскому князю, вступил в тайные сношения с ханом и Тверским князем, был изобличен в этом преступлении и казнен, его села, в том числе Воронцово, перешли в собственность великого князя Дмитрия Донского. Позднее оно принадлежало Андроньеву монастырю, а в конце XV века приглянулось великому князю Ивану III, и он выкупил у монастыря «сельцо Воронцовское на Яузе», чтобы устроить там загородное поместье.

Церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле

Великий князь построил дворец, поставил по обе стороны Яузы дворы для obsługi, мельницы на реке, развел сады, повелел итальянскому архитектору Алевизу Фрязину возвести церковь во имя Благовещения, впоследствии более известную по приделу Ильи пророка. Церковь стояла на поляне в сосновом лесу и поэтому долгое время называлась Ильей под Сосенками. (Позже идущий от нее и сохранившийся до сих пор переулок стал называться Подсосенским.) Но более всего Ивана III в Воронцовском поместье привлекало то, что это было великолепное охотничье угодье. Почти от устья Яузы и до Андроньева монастыря простирался девственный лес, в котором водились дикие звери и птицы. Все охотничьи угодья вокруг села Воронцова стали называться Воронцовым полем.

В московской топонимике слово «поле» имеет три значения: первое – собственно поле, сельскохозяйственное, второе – место судебных поединков (церковь Троицы, что в Полях, на берегу Неглинной) и, наконец, третье – место охоты, лова (до XX века русские помещики называли охоту не иначе как полем, полеваньем).

Проложенная по Воронцову полю в конце XVI века улица от Белого города к Земляному была названа Воронцовской. Так ее обозначали в XVIII и XIX веках на планах Москвы, но одновременно существовавло прежнее ее название – Воронцово поле, которое во второй половине XIX века окончательно вытеснило принятое топографами, и в последнем предреволюционном справочнике названий Москвы, изданном в 1915 году, автор отметил: «Воронцово поле улица ... обозначалась также неправильно Воронцовская улица».

В 1934 году улица Воронцово поле была переименована в улицу Обуха. В.А. Обух (1870—1934) – член коммунистической партии, врач; на этой улице находился созданный по его инициативе научно-исследовательский институт гигиены труда и профессиональных заболеваний.

Воскресенские ворота проезд

Название XVII века.

Проезд назван по Воскресенским воротам – проезжей башне Китай-города

Через эту башню был въезд на Красную площадь. Здесь, вдоль стен Китай-города с внешней стороны протекала река Неглинная, поэтому сразу после постройки башню называли Неглинными или Неглинненскими Воротами. После того как в 1556 году английский король Филипп прислал Ивану Грозному в подарок льва, львицу и львенка и клетку с ними поместили для всеобщего обозрения во рву возле Неглинной башни, то некоторое время ворота называли Львиными. Также их называли Курятными. Во многих работах это название объясняется тем, что поблизости от Неглинной находился торговый ряд, где торговали курами. Однако название Курятные иного происхождения. Курятной и Куретной называлась также Троицкая башня Кремля, что иные объясняли близостью к царскому «Куриному двору», иные близостью к царскому «Каретному двору»; археологи не обнаружили существования в Кремле около башни ни того, ни другого двора. Одноименность же двух находящихся неподалеку башен определили не одни и те же исторические факты, а одни и те же географические условия: они были поставлены на курье, как назывались на Руси в XV веке и называются сейчас во многих диалектных русских говорах старое русло реки, залив, заводь, заболоченный рукав и прилегающее к ним место.

К Неглинненским воротам подходила старинная Тверская дорога, которая в черте города со временем стала главной улицей Москвы – Тверской.

В XVI—XVII веках существовал нерушимый обычай: все иноземные посольства, прибывавшие в Москву, обязательно провозили по Тверской улице, чтобы они въезжали на Красную площадь, а оттуда на Посольский двор обязательно через Неглинненские ворота. Голландский посол Ван Кленк, побывавший в России в 1675 году, в своем описании Москвы рассказывает: «Город имеет много ворот. Неглинные ворота покрыты золоченой медью. Ими въезжают иноземные послы; с них же, сверху, сквозь решетчатые окна, смотрит на их въезд царь, царица и другие вельможи».

Неглинненские ворота, в отличие от остальных башен, имели не одну, а две проездные арки, «проезжие двое ворота», как писалось в документах XVII века. В 1669 году между проездами была установлена часовня с иконой Иверской Божией Матери.

По преданию, эта икона принадлежала бедной вдове, жившей в Никее в VIII веке, когда византийские императоры вели борьбу против почитания икон. Чтобы избавить образ Богоматери от поругания, вдова пустила его в море и увидела, что икона не легла на воду, но в стоячем положении поплыла. Сын вдовы, ставший монахом на Афоне, рассказал об этом чуде братии. Два века спустя икона явилась на море «в столпе огненном» монахам Иверской обители на Афоне; одному из них, святому старцу Гавриилу, во сне было откровение: Богоматерь сказала, что она желает дать обители эту икону, и пусть старец приблизится к ней по воде и примет в свои руки. Гавриил, пройдя по воде, как посуху, взял образ, принес в обитель и поставил в храме в алтаре. Но утром монахи увидели, что обретенная икона пропала из алтаря. Нашли ее не в храме, а на стене над воротами обители. Тогда над воротами воздвигли храм, и там икона Богоматери пребывает поныне; по обители она называется Иверской, по месту пребывания над воротами – Вратарницей.

В летописях Иверской обители записаны сведения о многих чудесах и исцелениях, последовавших от иконы святой Вратарницы; много раз Иверский монастырь подвергался нападениям врагов, но чудесное заступничество Богоматери сохранило его.

Слава о чудотворной Иверской иконе Богоматери шла по всему православному миру. В 1648 году архимандрит московского Новоспасского монастыря Никон (будущий патри-

арх всея Руси) обратился на Афон с просьбой прислать точный список – копию – Иверской иконы.

Воскресенские ворота. 1884 г.

Сохранился рассказ, как писался присланный в Москву образ. Писал ее монах Иверской обители иконописец священник Иамвлих Романов. Прежде чем он приступил к работе, братия совершила великое молебное пение, длившееся с вечера и до утра, причем святили воду со святыми мощами и святою водою обливали чудотворную икону Пресвятой Богородицы. Затем, собрав святую воду, они ею же обливали новую доску из кипарисного дерева и, снова собрав святую воду, служили литургию. После чего воду передали иконописцу, который влил ее в краски, заготовленные для писания иконы. Во время писания святой иконы Романов принимал пищу только в субботу и воскресенье, а братия служила по два раза в неделю всенощные и литургии. «И та икона, – заключает свой рассказ патриарх иерусалимский Парфений, – не разнится ничем от первой иконы, ни длиною, ни шириною, ни лаком, одним словом – новая, аки старая».

Список Иверской иконы доставили в Москву. Сначала он находился в соборе Никольского монастыря – Николы Старого, затем в 1669 году был поставлен в часовне у Неглиненских ворот, поскольку подлинная икона сама избрала себе место при воротах.

Позже для России были сняты еще две копии с иконы Иверской Богоматери, но в часовню, как утверждает предание, была поставлена именно эта, первая.

В 1680 году царь Федор Алексеевич – старший брат Петра I, царствовавший в 1676—1682 годах, человек образованный, создатель первого высшего учебного заведения России – Славяно-Греко-Латинской академии, осуществивший ряд важных государственных реформ, в частности отмену местничества, занимавшийся строительством и украшением Москвы, – повелел отремонтировать, перестроить и украсить Неглиненские ворота. Было расширено помещение вверху ворот и над ними возведены две шатровые башенки. На перестроенной башне, над входом, как было принято на всех московских крепостных башнях, установили новые, писанные «добрым письмом» иконы: Воскресения Христова, преподобного Сергия, великомученика Георгия, святого Петра Стратилата и московских святителей Петра и Алексея. Заново была выстроена и часовня Иверской Божией Матери. Тогда же царь Федор Алексеевич издал указ: «По Китаю городу проезжие двое ворота, которые делают вновь, что наперед того писаны прозванием Неглиненские, писать впредь Воскресенскими вороты, а Неглиненскими не писать».

Новое название привилось не сразу, еще в середине XVIII века их продолжали называть Неглиненскими и Курятными, и только в начале XIX века, когда Неглинная была заключена в трубу, название Воскресенские ворота укрепилось окончательно. Правда, появилось и новое – народное – название: Иверские ворота.

Часовня несколько раз перестраивалась, и в 1782 году была выстроена заново по проекту М.Ф. Казакова.

Икона Иверской Божией Матери стала одной из самых почитаемых в Москве, часовня всегда была полна молящихся, к ней обращались москвичи во всех случаях жизни, во всех начинаниях, прося покровительства. Чтилась она и московской интеллигенцией конца XIX – начала XX века.

В «светлицах» Воскресенских ворот в первой половине XVIII века помещалась пробирная лаборатория Монетного двора, в конце этого же века – университетская типография, когда ее арендатором был Н.И. Новиков, а в XIX веке – архив Губернского правления. В 1930 — 1931 годах «в связи с предполагаемым переустройством Красной площади» Воскресенские ворота вместе с часовней были снесены. Чудотворная икона Иверской Божией Матери была перенесена в церковь Воскресения Христова в Сокольниках.

Воскресенский проезд был переименован в 1922 году в Исторический по выходящему в проезд своим боковым фасадом Историческому музею, отмечавшему в тот год 50-летие своего основания.

В 1994 году московским правительством принято решение о восстановлении Воскресенских ворот и часовни Иверской Божией Матери. В сентябре 1995 года Святейший Патриарх Алексий II обратился к настоятелю Иверского монастыря на Афоне с просьбой сделать новый список с чудотворной иконы Иверской Богоматери. 25 октября, в канун праздника в честь Иверской Божией Матери, список ее был получен в Москве.

На следующий день после освящения восстановленных часовни и Воскресенских ворот икона Иверской Божией Матери была установлена в часовне. «Сегодня все мы являемся свидетелями знаменательного события наших дней, – сказал Алексий II. – Иверский образ Пресвятой Богородицы вновь обрел свое историческое место в самом центре первопрестольной Москвы – в воссозданной Иверской часовне у Воскресенских ворот...»

Гагаринский переулок

Название XVIII века.

Переулок назван по домовладельцу.

Гагарины владели большой усадьбой в этих местах с конца XVII – начала XVIII веков; известно, что в 30-е годы XVIII века здесь жил стольник – князь Богдан Иванович Гагарин. Переулок назывался тогда Старой Конюшенной улицей, так как был главной улицей старинной Конюшенной слободы. Его называли еще Долгим. Но к концу XVIII века за переулком прочно утвердилось название Гагаринского, хотя обширная усадьба Гагариных к тому времени уже была распродана отдельными участками.

Гагаринский переулок

В 1962 году Гагаринский переулок был переименован в улицу Рылеева на том основании, что К.Ф. Рылеев (1795—1826) – один из руководителей тайного общества декабристов, известный поэт, – будучи в 1824 году в Москве, останавливался в находящемся в этом переулке доме декабриста В.И. Штейнгеля. Однако документы свидетельствуют, что этот дом В.И. Штейнгель продал еще в 1819 году, а в 1824 году он жил на Чистых прудах, куда и приезжал Рылеев.

Газетный переулоч

Название конца XVIII века.

Переулоч назван по находившейся в нем газетной лавке.

Первая русская газета «Вестовые письма», или, как ее еще называли на голландский манер, «Куранты», появилась в Москве в 1621 году и предназначалась для одного читателя – царя Михаила Федоровича.

Газета была рукописной, ее подготавливали дьяки Посольского приказа; иностранные известия переводили из иностранных газет, известия же о внутренних делах и происшествиях получали из различных приказов. Рукописные «Куранты» существовали и при Алексее Михайловиче.

16 декабря 1702 года Петр I специальным указом повелел Печатному двору издавать печатную газету, как это «принято в иноземных государствах». Первый номер газеты, получившей название «Ведомости», вышел 2 января 1703 года.

Сначала газета печаталась церковнославянским шрифтом, затем перешла на гражданский. Газета выходила нерегулярно, и каждый номер разным тиражом, в зависимости от предполагаемого спроса: обычно тираж был несколько десятков экземпляров, не более сотни, а вот номера, представляющие для читателей большой интерес, печатались большим тиражом: например, номер с реляцией о Полтавской победе был выпущен в количестве 2500 экземпляров. В 1720 году издание газеты было перенесено в Петербург, и Москва осталась без газеты на 36 лет. В 1755 году в Москве открылся университет, и ему было поручено издание газеты для Москвы. С 26 апреля 1756 года начали выходить «Московские ведомости». Редактируемая профессорами университета газета была для них не профессиональной работой, а, так сказать, общественной нагрузкой, что отражалось на качестве газеты. «Московские ведомости» в основном перепечатывали материалы из «Санкт-Петербургских ведомостей», но помещали также и местные известия, и собственные переводы из иностранных газет. Расходились «Московские ведомости» плохо.

Новая эпоха для «Московских ведомостей» – а тут надо учитывать, что они были единственной газетой в Москве и оставались таковой до 30-х годов XIX века – наступила с того времени, как в 1779 году арендатором типографии Московского университета стал известный издатель и просветитель Н.И. Новиков, и издание газеты перешло к нему.

«Прежде расходилось московских газет не более 600 экземпляров, – рассказывает современник и свидетель этих событий Н.М. Карамзин. Новиков сделал их гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи и, наконец, выдавал при «Ведомостях» безденежно «Детское чтение», которое новостию своего предмета и разнообразием материи, несмотря на ученический перевод многих пьес, нравилось публике. Число пренумерантов (подписчиков. – В.М.) ежегодно умножалось и лет через десять дошло до 4000... Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются; и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель. Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут «Московские ведомости», хотя четверо не знают грамоте; но пятый разбирает буквы, а другие слушают».

В то время не существовало доставки газет подписчикам на дом, они «брали» газету в газетной лавке при университетской типографии. Типография и лавка находились на участке, который сейчас занят зданием Центрального телеграфа и другими службами Министерства связи. Одним фасадом типография выходила на Тверскую, другим – в переулоч,

который тогда назывался Успенским – по церкви Успения Богородицы. В 80-е годы XIX века из-за того, что большое количество москвичей посещало газетную лавку и, таким образом, ее хорошо знали в Москве, переулок стали называть Газетным.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Газетном переулке

В 1920 году Газетный переулок был переименован в улицу Огарева, в память Н.П. Огарева (1813—1877) – писателя, поэта, друга А.И. Герцена. Огарев здесь не жил, юбилея его в тот год никакого не было, переименование было сделано «заодно» с переименованием Большой Никитской улицы в улицу Герцена.

Название переулка Газетный – памятник любознательности москвичей и их страсти к чтению газет, а также память о благородной и, как говорил Карамзин, «полезной» издательской деятельности Н.И. Новикова.

Глазовский переулок

Название XIX века.

Переулок назван по домовладельцу.

А.А. Мартынов, объясняя в 1888 году происхождение названия Глазовского переулка по домовладельцам Глазовым, среди которых по документам 1813 года значится генерал-майор П.М. Глазов, одновременно приводит еще два названия: Несвицкий и Струков, происходящие также от фамилий домовладельцев 90-х годов XVIII века.

О самом генерале П.М. Глазове не удалось найти никаких сведений, но название переулка, появившись в начале XIX века, не менялось до 1960 года, когда Глазовский переулок был переименован в улицу Луначарского. А.В. Луначарский (1875—1933) – старый большевик, соратник В.И. Ленина, первый нарком просвещения, жил в этом переулке, ныне в его квартире – мемориальный музей, на доме – мемориальная доска.

Глинищевский переулок

Название XIV—XV веков.

Переулок назван по находившемуся здесь глинищу – карьере, в котором добывали глину.

В Москве было несколько мест, где добывалась глина, в том числе и в районе Тверских ворот. Копи, ямы, где прежде, в давние времена, добывалась глина, в древнерусском языке назывались глинищами. Глинища у Тверских ворот известны с XIV века, они дали название месту и слободе вокруг карьера.

В XVII веке здесь была построена церковь, которая называлась до самого своего сноса в 1931—1932 годах церковью Святого Алексия Митрополита, что на Глинищах. Поэтому переулок назывался в XVIII веке также Алексеевским, но к середине XIX века к нему вернулось прежнее название – Глинищевский.

В 1943 году Глинищевский переулок переименован в улицу Немировича-Данченко. Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858— 1943) – один из основателей МХАТа, режиссер, народный артист СССР, жил в этом переулке (дом 5) в 1938—1943 годах.

Гончарная улица

Название XVI—XVII веков.

Переулок назван по слободе гончаров.

Дворцовая Гончарная слобода, расположенная на Москве-реке при устье Яузы, довольно хорошо исследована археологами. Раскопаны мастерские гончаров, обнаружены многочисленные их изделия: посуда, изразцы, различные игрушки – погремушки, свистульки, фигурки людей, зверей, птиц.

Слово «гончар», в старину писавшееся «горончар», по своему происхождению однокоренное со словом «горн». Обжиг в печи-горне глиняной поделки, который придавал ей крепость и привлекательный внешний вид, требовал большого умения и специальных знаний, поэтому именно эта операция в производстве дала название профессии.

Особняк А.А. Зимины на Гончарной улице. Начало XX века

Не случайно место для слободы было избрано на берегах рек: горны и обжигательные печи представляли большую пожарную опасность, а близкая вода все же давала больше возможности бороться с нечаянно возникшим пожаром.

Гончарная слобода в устье Яузы была большая, об этом свидетельствуют названия окрестных переулков: от Гончарной улицы сейчас отходят два Гончарных переулка, в начале XX века их было четыре.

Гончарная улица в 1919 году была переименована в улицу Володарского.

Володарский – партийная кличка М.М. Гольдштейна (1891— 1918) – коммуниста, комиссара по делам печати, пропаганды и агитации, убитого в Петрограде эсером-террористом.

Гранатный переулок

Название XVI века.

Переулок назван по расположенным здесь мастерским, производящим артиллерийские снаряды.

Гранатный двор у Никитских ворот был основан в XVI веке, здесь «работали», то есть делали гранаты – разрывные артиллерийские снаряды, состоящие из ядра, начиняемого порохом. В XVII веке Гранатный двор перевели к Симонову монастырю, царь Федор Алексеевич указал устроить на его месте у Никитских ворот госпиталь, где бы «больных лечили и лекарей учили». В начале XVIII века Гранатный двор сгорел.

Почти два века считалось, что от Гранатного двора ничего не сохранилось, но сейчас обнаружены и отреставрированы его постройки XVI—XVII веков.

В 1949 году Гранатный переулок был переименован в улицу Щусева. Алексей Викторович Щусев (1873—1949) – архитектор, академик, участник разработки Генерального плана реконструкции Москвы. Переулок переименован, потому что на этой улице расположены здания Союза архитекторов СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.